Операция «Гроза плюс». Самый трудный день

Автор:
Александр Харников

Операция «Гроза плюс». Самый трудный день

Александр Борисович Михайловский

Александр Петрович Харников

Военная фантастика (АСТ)Операция «Гроза плюс» #2

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Но в этот раз ее начало не было похоже на то, что произошло в советской истории. План «Барбаросса» столкнулся с планом «Гроза» – совместной разработкой командования Красной Армии и Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации.

Вермахт и люфтваффе с самого начала понесли огромные потери. Все пошло не так, как рассчитывал фюрер и его военачальники. История стала изменяться прямо на глазах. Машина времени – изобретение XXI века – позволила внести коррективы в политическую жизнь и прошлого, и будущего. Ибо они взаимосвязаны между собой.

Александр Михайловский, Александр Харников

Операция «Гроза плюс». Самый трудный день

© Александр Михайловский, Александр Харников, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Авторы благодарят за помощь и поддержку Макса Д (он же Road Warrior) и Олега Васильевича Ильина.

Пролог

Вот и настал он, тот страшный день нашей истории, когда рухнул привычный, мирный уклад Советской страны и началась самая страшная война XX века.

Но в той версии истории, которую начали изменять еще год назад власти СССР и РФ, все должно пойти по-другому. Немецкое нападение ждали. И не только ждали, но и успели подготовиться к нему. Уже не будет ни «мирно спящих советских аэродромов», ни истерических приказов «не поддаваться на провокацию». На границе враг будет встречен во всеоружии, и с первых же минут агрессии вермахт почувствует на себе всю силу ударов Красной Армии и Российских вооруженных сил.

Все это случилось благодаря изобретению машины времени. С помощью ее удалось установить связь с руководством СССР и лично с Иосифом Сталиным. Нельзя сказать, что большевики из XX века и рыночники из XXI века сразу нашли общий язык. Но память о тех, кто не вернулся с той, Великой войны, помогла всем участникам межвременных переговоров понять друг друга.

Сообща началась работа по подготовке к отражению вражеского вторжения. В ней участвовали не только военные, но и политики. Осваивалось новое оружие, строились аэродромы, способные принять реактивные самолеты из будущего, в глубоком тылу – за много веков до 1941 года тренировались и обучались части Красной Армии, вооруженные автоматами и пушками из XXI века.

Все спешили, но времени до роковой даты оставалось все меньше и меньше. И вот настал он, черный день календаря – 22 июня 1941 года. Сейчас все начнется. Станет ясно, кто победит в этой великой битве – наши или они.

21 июня 1941 года, 14:35. Москва, Кремль, кабинет Сталина

Сталин работал с документами, время от времени непроизвольно поглядывая на часы. Если верить информации, поступившей из будущего, то именно сегодня Гитлер должен был принять окончательное решение о нападении на СССР, если оно, конечно, как и в тот раз, произойдет 22 июня. А основания для сомнений были. Благодаря своевременно принятым мерам, поставкам вооружения и отправке инструкторов, война в Югославии затянулась на две лишние недели, и только ко 2 мая эта страна была оккупирована немецкими, итальянскими и венгерскими войсками. Только бои за Белград, которых вообще не было в их истории, затянулись на десять дней. Кроме того, после оккупации страны югославская армия не капитулировала, а по возможности организованно отступила в горы, намереваясь продолжать сопротивление партизанскими методами.

В связи с этим, по данным разведки, некоторые части 1-й танковой группы генерала Клейста, расположенные на южном участке линии советско-германского соприкосновения, и входившие во 2-ю танковую группу генерала Гудериана части 46-го моторизованного корпуса еще не успели прибыть в районы своего сосредоточения на советско-германской границе. А часть немецких и венгерских пехотных соединений были связаны борьбой с партизанами. И чем больше немцы будут бороться с партизанами, тем больше их будет становиться. Так что, возможно, в этот раз Гитлер примет решение еще раз отложить операцию «Барбаросса», как он делал уже несколько раз, начиная с середины мая.

Но нет, надежды Вождя не сбылись. Ровно в половине третьего в кабинете Сталина раздался звонок телефона, соединявшего его с приемной.

– Товарищ Сталин, – доложил Поскребышев, – к вам порученец маршала Шапошникова.

– Пусть войдет, – ответил Вождь, уже поняв, что этот человек мог появиться в Кремле лишь в одном случае.

Вошедший в кабинет Сталина худощавый армейский майор с двумя нашивками за ранения и орденом Боевого Красного Знамени на груди молча передал вождю запечатанный пакет. Сталин достал из пакета записку, на которой рукой Шапошникова было написано «В 11:00 по берлинскому времени германское верховное командование передало в войска сигнал “Дортмунд”. 14:05, Шапошников».

Взяв со стола красный карандаш, Вождь посмотрел на часы и крупными буквами написал на обороте записки: «Передать в войска сигнал “Гроза”. 14:40. И.Ст.»

Когда майор ушел, Сталин еще какое-то время сидел, уставившись невидящим взглядом в потолок. Гитлер принял свое решение – больше ничего и никуда не откладывать. И пусть на границе еще не прозвучало ни одного выстрела, но уже понятно – началось! Из теоретической возможности война превратилась в реальность, которая уже через половину суток должна была стать грозной явью. Взяв лист бумаги, Вождь начал набрасывать список людей, которые через два часа должны собраться в его кабинете на первое заседание ГКО в так называемом узком составе: маршал Борис Шапошников, адмирал Николай Кузнецов, Лаврентий Берия, нарком госконтроля Лев Мехлис, нарком иностранных дел Вячеслав Молотов.

21 июня 1941 года, 16:30. Москва, Кремль, кабинет товарища Сталина. Заседание ГКО

Присутствуют:

– председатель ГКО Иосиф Виссарионович Сталин;

– начальник Генерального штаба маршал Борис Михайлович Шапошников;

– нарком РККФ адмирал Николай Герасимович Кузнецов;

– нарком внутренних дел генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия;

– нарком госконтроля Лев Захарович Мехлис;

– нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов.

Когда все расселись вокруг длинного стола для совещаний, Лаврентий Берия внимательно оглядел присутствующих и хмыкнул.

– Товарищи, – сказал он с чуть заметным кавказским акцентом, – а где наш главный спонсор, товарищ Путин? Опять опаздывает?

Сталин спрятал в усы улыбку.

– Товарищ Путин, – произнес он, – не опаздывает, а задерживается. Обещал быть с минуты на минуту. У него там, знаете ли, тоже есть свои дела.

В этот момент в дальнем углу кабинета загорелась ярко-зеленая точка, свидетельствующая о начале открытия темпорального окна.

– Вот видите, – кивнул Вождь, – вот и он. Легок на помине…

– Добрый день, коллеги, – сказал появившийся в темпоральном окне президент Российской Федерации. – Не помешаю?

– Проходите, товарищ Путин, присаживайтесь, – кивнул Сталин, – да, да, за тот конец стола, напротив меня. Только вас мы и ждали.

Дождавшись, пока президент РФ сядет на свое место, Сталин обвел взглядом присутствующих.

– Все в сборе, товарищи, – начал Вождь, – приступим. Как уже стало известно, высшее руководство рейха приняло окончательное решение завтра на рассвете без объявления войны напасть на СССР. Сигнал об этом три с половиной часа назад уже передан в германские войска. Борис Михайлович, вам слово…

– Сигнал «Гроза», – произнес маршал Шапошников, – передан в приграничные округа в пятнадцать ноль пять по московскому времени. Генерал Конев в Прибалтийском военном округе, генерал Жуков в Киевском военном округе и генерал Болдин в Одесском военном округе получение сигнала и передачу его

в войска подтвердили. От генерала Павлова из Западного военного округа пока ответа не было.

Сталин нахмурился.

– Товарищ Берия, – спросил он, – что докладывают ваши люди из Минска?

– Сигнал «Гроза» штабом округа получен, – ответил Берия, – но в войска не передавался. Для приведения в боевую готовность 4-й, 10-й и 3-й армий был использован резервный канал связи, принадлежащий наркомату внутренних дел. Командующие армиями: 4-й – генерал Чуйков, 10-й – генерал Голубев, 3-й – генерал Кузнецов, 11-й – генерал Морозов, и 13-й – генерал Филатов, – под роспись подтвердили получение ими сигнала «Гроза».

– Очень хорошо, товарищ Берия, – кивнул Сталин, – в том смысле хорошо, что с помощью ваших людей сигнал до войск все же дошел. С товарищем, в смысле с бывшим товарищем Павловым дело обстоит куда хуже…

– Приказ о его смещении с должности командующего Особым Западным военным округом уже подписан, – доложил маршал Шапошников, – командовать Западным фронтом по плану «Гроза плюс» должен генерал Шаманов.

Сталин кивнул.

– Пусть товарищ Шаманов вскрывает пакет с мандатом, подтверждающим его полномочия, и принимает командование фронтом, – решительно произнес он. – Павлова и всю его камарилью нейтрализовать, но руками пока не трогать. Они нужны нам здесь в Москве в целости и сохранности. Товарищ Берия лично займется этим вопросом.

Сталин посмотрел на наркома РККФ.

– Товарищ Кузнецов, – сказал он, – как у нас обстановка на флотах?

– Флоты, – доложил Кузнецов, – Северный – контр-адмирал Головко, Балтийский – вице-адмирал Трибуц, и Черноморский – контр-адмирал Горшков, получение сигнала «Гроза» подтвердили. Флоты приведены в полную боевую

готовность. В Финском заливе артиллерийским огнем отогнаны финские и немецкие корабли, производившие минные постановки в наших территориальных водах. В двух милях от Таллинна нашими сторожевыми катерами потоплена неопознанная подводная лодка.

– Вот, – усмехнулся Сталин, – наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия только готовится к войне, а флот уже воюет. Впрочем, уже завтра все это будет совсем неважно. Товарищ Шапошников, что у нас с боевым развертыванием по плану «Гроза плюс»?

– По плану «Гроза плюс», – начал свой доклад маршал Шапошников, подойдя к висящей на стене карте, – из внутренних округов в Особый Прибалтийский военный округ в течение апреля-мая были переброшены три армии: 16-я армия из Забайкальского военного округа – командующий генерал-лейтенант Лукин; 19-я армия из Северо-Кавказского округа – командующий генерал-майор Баграмян; 21-я армия из Приволжского военного округа – командующий генерал-лейтенант Герасименко. 16-я армия сосредоточена в районе Паланги и прикрывает направление на Либаву, южнее нее 8-я армия – командующий генерал-майор Собенников, перекрывает путь 4-й танковой группе немцев на Шауляй. Южнее 8-й армии, вдоль реки Неман от госграницы до Каунаса, сосредоточена 19-я армия. 21-я армия сосредоточена в районе Шауляя и является резервом Северо-Западного фронта. 11-я армия – командующий генерал-лейтенант Морозов – передана в состав Особого Западного военного округа и занимает оборону в районе Алитуса, прикрывая направление на Вильнюс – Минск. 3-я армия – командующий генерал-лейтенант Кузнецов – сосредоточена в районе Гродно и прикрывает северный фас Белостокского выступа. 10-я армия – командующий генерал-майор Голубев – сосредоточена на вершине Белостокского выступа. 4-я армия – командующий генерал-лейтенант Чуйков – сосредоточена в районе Бреста и прикрывает направление на Барановичи – Минск. 13-я армия – командующий генерал-лейтенант Филатов – сосредоточена в районе Минска и составляет резерв Западного фронта. Юго-Западный фронт. 5-я армия – командующий генерал-майор танковых войск Потапов – сосредоточена вдоль границы от Пинских болот до Львовского выступа. Именно на нее по плану «Барбаросса» должен прийтись основной удар германских 1-й танковой группы и 6-й полевой армии, наступающих на Киев вдоль водораздела рек Припять и Днестр. 6-я армия – командующий генерал-лейтенант Малиновский – расположена на северном фасе Львовского выступа. 26-я армия – командующий генерал-лейтенант Костенко – сосредоточена на вершине Львовского выступа. 12-я армия – командующий генерал-майор Галанин – расположена на южном фасе Львовского выступа и укомплектована

в основном горнострелковыми частями. 9-я отдельная армия, сформированная на базе Особого Одесского военного округа, расположена вдоль советско-румынской границы до устья Дуная.

Войска Прибалтийского, Киевского и Одесского особых округов еще 14 июня по приказу Генерального штаба были выведены в летние лагеря, расположенные в районах, определенных им по плану прикрытия границы. Войска Особого Западного военного округа также были выведены в летние лагеря, но только 16 июня. Для этого потребовались неоднократные напоминания со стороны Генерального штаба и вмешательство органов государственной безопасности, в результате чего распоряжение командующего округом генерала Павлова о начале лагерных сборов с 23 июня было отменено.

Маршал Шапошников перевел дух и оглядел собравшихся.

– Таким образом, – продолжил он свой доклад, – на Московском и Ленинградском направлениях, составляющих единый театр военных действий, обстановка с прошлого раза значительно изменилась. За счет заблаговременной переброски трех дополнительных армий из внутренних округов значительно уплотнены боевые порядки Северо-Западного фронта и создан резерв. Теперь нашим частям и соединениям в Прибалтике не придется сражаться под угрозой охвата со стороны открытых флангов.

За счет передачи 11-й армии в состав Западного фронта конфигурация наших войск приведена в соответствие с конфигурацией противника. Северо-Западный фронт противостоит группе армий «Север» и ее главной ударной силе – 4-й танковой группе. Западный фронт, усиленный частями Экспедиционного корпуса из будущего, противостоит группе армий «Центр» и ее главным ударным кулакам – 2-й и 3-й танковой группам. Юго-Западный фронт противостоит группе армий «Юг» и ее главной ударной силе – 1-й танковой группе. 9-я отдельная армия противостоит румынским войскам, усиленным 11-й германской армией.

– Очень хорошо, Борис Михайлович, – одобрительно кивнул Сталин, – Теперь расскажите нам – какие задачи будут выполнять части Экспедиционного корпуса из будущего, и где они будут размещены?

– Товарищ Сталин, – ответил маршал Шапошников, – Корпус имеет в своем составе семьдесят пять тысяч бойцов и командиров, почти тысячу танков, четыре тысячи двести бронетранспортеров и боевых машин пехоты, две тысячи самоходных гаубичных орудий, тысячу двести минометов, две тысячи реактивных систем залпового огня, пятьсот тяжелых противотанковых орудий, пятьсот пятьдесят зенитных самоходных установок и две с половиной тысячи грузовиков различного назначения.

– Две тысячи орудий, – недовольно буркнул Мехлис, – у нас в Западном округе и без того почти четырнадцать тысяч пушек.

– Товарищ Мехлис, – возразил Шапошников, – следует учесть два обстоятельства. Первое – в Экспедиционном корпусе минимальный калибр гаубиц огневой поддержки – 122 миллиметра, а не 76 миллиметров, как у нас. К тому же все эти гаубицы самоходные. Второе – минометы в Экспедиционном корпусе имеют калибр 120 миллиметров, а буксируемые противотанковые орудия в 100 миллиметров, и все они на механической тяге. Поэтому, в случае необходимости, и гаубицы и минометы и противотанковая артиллерия смогут быстро перемещаться с одного участка фронта на другой. Этого достаточно?

– Мы вас поняли, Борис Михайлович, – кивнул Сталин, – продолжайте.

– Организационно, – сказал маршал Шапошников, – Экспедиционный корпус разделен на шесть соединений. Четыре из них имеют чисто оборонительный характер и в настоящий момент выдвигаются в районы Бреста, Гродно, Августова и Граево. Брестское соединение предназначено совместно с нашей 6-й стрелковой дивизией 4-й армии оборонять город Брест и расположенный в нем железнодорожный узел. Оно состоит из двух мотострелковых бригад, двух ракетно-артиллерийских бригад и одной ракетно-артиллерийской бригады особой мощности, способной с первых же минут войны нанести удар по тылам 2-й танковой группы немцев.

– Борис Михайлович, – обратился Сталин к начальнику Генштаба, – поясните товарищам – что значит ракетно-артиллерийская бригада особой мощности?

– Это, товарищ Сталин, – ответил Шапошников, – пятьдесят четыре восьмидюймовых самоходных орудия с дальностью стрельбы сорок семь километров и пятьдесят четыре трехсотмиллиметровых реактивных системы

залпового огня с дальностью стрельбы сто двадцать километров. Залп одной установки обеспечивает сплошное поражение на площади шестьсот семьдесят тысяч квадратных метров.

– Они так нам всех немцев перебьют, – пошутил Берия.

– Не беспокойтесь, товарищ Берия, – не оценил шутку наркома Шапошников, – немцев там не просто много, а очень много. Хватит на всех.

Кроме Бреста, такие же ракетно-артиллерийские бригады особой мощности будут сосредоточены в районе Граево и Августова, для воздействия по тылам 3-й танковой группы. Граевское соединение действует совместно со 2-й стрелковой дивизией 10-й армии, а Августовское – совместно с 27-й стрелковой дивизией 3-й армии. Гродненское соединение, совместно с 56-й стрелковой дивизией 3-й армии, обороняет город Гродно.

Еще два соединения усиленного состава по две мотострелковых, две ракетно-артиллерийских и четыре общевойсковых механизированных бригады выдвигаются к рубежам обороны у Кобрина и Алитуса. Кобринское соединение взаимодействует с 47-м стрелковым корпусом 4-й армии в составе 143-й, 21-й, 55-й стрелковых дивизий, а Алитусское соединение взаимодействует с 16-м стрелковым корпусом 11-й армии в составе 5-й, 33-й, 188-й стрелковых дивизий. Задача этих двух группировок – окончательно остановить наступление 2-й и 3-й танковых групп немцев на Минск и, зафиксировав линию фронта, измотать их оборонительными боями, заставив растратить резервы. Прорывать оборону и довершать разгром будут три укомплектованных техникой и вооружением из будущего армии особого назначения, которые будут введены в бой на пятый-седьмой день войны.

– Борис Михайлович, – кивнул Сталин, – с Западным фронтом нам все понятно. Теперь скажите, как вы собираетесь отражать немецкие удары на севере и на юге.

– Товарищ Сталин, – сказал Шапошников, – направления на Ленинград и Киев у немцев считаются второстепенными, и сил там выделено меньше. Поэтому мы сочли возможным разместить там соединения, укомплектованные техникой частично нашего собственного производства…

– Борис Михайлович, – попросил Сталин, – поясните товарищам, что значит частично собственное производство?

– Для ускорения выпуска новой надежной самоходной артиллерийской техники, – ответил Шапошников, – в будущем нами были закуплены три тысячи комплектов трехсотсильных дизельных двигателей и трансмиссий. Изготовление корпусов машин и сборка шасси самоходных орудий проводилась на Сталинградском тракторном и заводе «Красное Сормово». На тысячу двести таких шасси были установлены переделанные в орудие ПТО 76-мм пушки Ф-22, на семьсот пятьдесят – 122-мм гаубицы М-30, и на двести – 152-мм гаубицы М-10. Еще восемьсот пятьдесят шасси были использованы для создания зенитных самоходных установок на основе 37-мм зенитного орудия образца 1939 года.

Вся эта техника пошла на формирование десяти самоходных противотанковых артбригад РГК для отражения танковых ударов на второстепенных направлениях, а также четырех конно-механизированных корпуса для ведения маневренных операций на небольшую глубину. Каждая противотанковая артбригада включает в себя семьдесят два самоходных противотанковых орудия, тридцать две самоходных зенитных установки, семьдесят два крупнокалиберных пулемета и мотострелковую роту прикрытия.

Две таких бригады дислоцированы на Северо-Западном фронте, одна на Шауляйском направлении в полосе 8-й армии, и одна под Каунасом, в полосе 19-й армии. Еще две бригады введены в состав Западного фронта. Одна в полосе 3-й армии севернее Гродно, вторая в полосе 4-й армии севернее Бреста. Шесть бригад входят в состав Юго-Западного фронта. Четыре – в полосе 5-й армии, на направлении главного удара 1-й танковой группы немцев, и две – в полосе 6-й армии на северном фасе Львовского выступа. Конно-механизированные корпуса имеют в своем составе по две кавалерийских дивизии, по две танковых бригады общей численностью сто двадцать танков КВ и двести сорок танков Т-34, по одному самоходному гаубичному артполку в сорок восемь 152-мм самоходных гаубиц и по одному самоходному истребительно-противотанковому полку в тридцать шесть самоходных противотанковых орудий. Дислокация корпусов: Северо-Западный фронт – один в полосе 8-й армии в районе Шауляя, Юго-Западный фронт – два корпуса, и оба в полосе 6-й армии у основания Львовского выступа. 9-я армия – один корпус в районе Кишинева.

Маршал Шапошников перевел дух.

– Задачей первого этапа войны, – продолжил он, – считаю безусловное удержание госграницы в полосе 16-й и 8-й армий. Силы там для этого сосредоточены достаточные. В полосе 19-й и 11-й армий основным рубежом обороны является река Неман. На северном фасе Белостокского выступа нашим войскам также необходимо удержать за собой государственную границу. На южном фасе при сильном натиске противника возможно отступление до рубежа реки Нарев. В полосе 4-й армии, безусловно, необходимо сохранить за собой город Брест и остановить наступление 2-й танковой группы на рубеже Кобрина. На Юго-Западном фронте 5-я армия должна с боями отходить к линии укрепрайонов на старой границе. 6-я армия также с боями должна отступить до рубежа Львов – Броды. 26-я и 12-я армии должны удерживать свои позиции. 9-я отдельная армия должна удерживать госграницу по Пруту, а при невозможности этого – с боями отступать к укрепрайонам старой границы по Днестру.

– Спасибо, Борис Михайлович, – поблагодарил Сталин, – мы вас поняли. Надеюсь, что вы сделали все возможное, чтобы враг был остановлен, а затем разгромлен и уничтожен. Времени на подготовку вам было дано вполне достаточно.

Вождь посмотрел на наркома внутренних дел.

– Товарищ Берия, – сказал он, – вы должны сделать все, чтобы ни один буржуазный националист, ни в Прибалтике, ни на Украине, не смог бы ударить нашим бойцам в спину.

– Товарищ Сталин, – ответил Берия, – сегодня с шестнадцати часов по Москве, органы госбезопасности на всей территории СССР приступили к активному этапу проведения операции «Вихрь» – ликвидации выявленной нами иностранной агентуры и участников бандподполья. Кроме того, для поддержания порядка в тылу в прифронтовой зоне из членов партийно-комсомольского актива формируются истребительные батальоны НКВД, действующие уже по законам военного времени. Наше положение облегчено еще и тем, что в этот раз призывников из западных районов Украины, Белоруссии и из Прибалтики военные комиссариаты не оставили служить возле дома у границы, а отправили в Сибирь и Среднюю Азию. А это значит, что дезертиров и перебежчиков будет на порядок меньше.

– Очень хорошо, – кивнул Сталин, – но интересно, а что нам скажет товарищ Путин?

– Коллеги, – российский президент, внимательно слушавший выступавших, перебрал лежавшую перед ним на столе стопку листков, – я должен сказать, что в первую очередь, это ваша война. Мы лишь помогаем, чем можем, возвращая вам наш неоплатный долг. Один раз вы уже сумели победить Гитлера в гораздо худших условиях. Имейте в виду, что все солдаты и офицеры нашего Экспедиционного корпуса добровольно по зову сердца и души пошли на эту войну сражаться рука об руку рядом со своими дедами. Хотелось бы, чтобы в этот раз Советский Союз не понес таких больших жертв…

– Помогаете, но за деньги, – проворчал Мехлис, – спекулянты.

– Уймись, Лев, – резко оборвал Мехлиса Сталин, – сейчас не время считать деньги.

– Товарищ Сталин, – сказал Молотов, – должен сказать, что все, что было приобретено Советским Союзом, там, в будущем, обошлось нашей стране раз в двадцать дешевле, чем при закупке примерно того же здесь в Америке, Британии или Германии. Так что это действительно можно считать подарком.

– Вот именно, – кивнул Сталин. – Уже завтра враг нас придет убивать, и нам придется сражаться не на жизнь, а насмерть. Давайте не будем об этом забывать. Товарищ Молотов, ты тоже уже знаешь, что тебе делать завтра. Все, товарищи. Все свободны.

Оставшись в кабинете один, Вождь несколько раз прошелся из конца в конец, потом не спеша набил трубку, раскурил ее и остановился напротив карты, пуская клубы дыма. Сейчас, когда ничего уже нельзя было изменить, оставалось только ждать и надеяться, что все было сделано правильно. Завтрашний день должен был расставить по своим местам все точки, запятые и многоточия, определив облик этого мира на много лет вперед.

21 июня 1941 года, 18:05. Минск, Штаб Западного Особого военного округа

Стоял летний погожий день. Солнце над Минском уже клонилось к закату, изливая на землю последние потоки тепла. В этот погожий и томный субботний вечер к штабу Особого Западного округа подкатили большая легковая автомашина, окрашенная в зеленый защитный цвет, и три тяжелых грузовика,

номера которых говорили о том, что они числятся за Разведывательным управлением Генерального штаба. С тех пор как под Барановичами обосновался не подчиняющийся командованию округа филиал этой весьма уважаемой организации, машины с такими номерами по Минску стали ездить довольно часто.

Генерал Павлов, уже собравшийся было покинуть свой служебный кабинет, выглянув в высокое стрельчатое окно, увидел, как из легковушки вышел хорошо известный ему порученец маршала Шапошникова, за которым последовала группа старших командиров. Все они направили к входу в штаб.

Дальнейшее, с точки зрения генерала Павлова, напоминало какую-то странную трагикомедию. Через пару минут после того, как командиры вошли в штаб, из грузовиков через задние борта начали выпрыгивать вооруженные короткими карабинами бойцы в камуфлированной форме неизвестного генералу Павлову образца. Часть из них, вслед за вошедшими в штаб командирами, рванулась внутрь здания штаба, остальные же быстро выставили оцепление по периметру.

В коридоре раздались уверенные шаги множества людей. Так могут идти только те, кто представляет власть, те, за кем сила, те, кому нечего бояться.
В приемной что-то пытался сказать, но тут же умолк на полуслове генеральский порученец. Большая двустворчатая дверь в кабинет распахнулась, и обуявший было Павлова гнев тут же сменился ужасом. Среди прочих визитеров он заметил стоявшего рядом с порученцем Шапошникова человека со знаками различия старшего майора ГУГБ НКВД.

– Павлов Дмитрий Григорьевич? – буднично поинтересовался старший майор. Павлов машинально кивнул, и старший майор продолжил: – Вы арестованы по подозрению в совершении преступления, предусмотренного статьей 58-1б УК РСФСР: «Измена Родине, совершенная военнослужащим».

Двое «пятнистых», шагнувших вперед из-за спин старших командиров, сноровисто завернули генералу руки за спину, а старший майор, вытащив из кобуры на поясе генерала пистолет, проверил воротник его мундира на наличие ампулы с ядом.

Убедившись в ее отсутствии, старший майор удовлетворенно кивнул.

– Товарищи, – обратился он бойцам, – а теперь я попрошу вывести гражданина Павлова из кабинета.

Когда дверь за бывшим командующим Западным Особым округом закрылась, генерал-полковник подошел к служебному столу и снял трубку «вертушки».

– Это генерал Шаманов. Товарища Иванова, пожалуйста, – произнес он в трубку.

Немного погодя услышав в трубке ответ, генерал-полковник произнес:

– Товарищ Иванов, это генерал Шаманов. Смену командования произвел. Гражданин Павлов передан товарищам из ведомства товарища Берии. Да, все прошло тихо, без эксцессов. Благодарю за доверие. До свиданья.

Одновременно в соседних кабинетах были задержаны начальник штаба округа генерал-майор Климовских, начальник артиллерии округа генерал-майор Клич, командующий ВВС генерал-майор Копец и начальник связи округа генерал-майор Григорьев.

В кабинет вошли приглашенные новым командующим округа начальник оперативного отдела генерал-майор Семенов, начальник инженерных войск генерал-майор Васильев, начальник артиллерии ПВО генерал-майор Сазонов, заместитель командующего по тылу генерал-лейтенант Курдюмов – словом, все те члены штаба Особого Западного военного округа, кого предварительное следствие сочло непричастными к «павловской камарилье». Зам по укрепрайонам генерал-майор Михайлин, также непричастный к творившемуся в Западном Особом округе бардаку, находился сейчас на месте проведения работ в одном из УРов Белостокского выступа, и пока не был в курсе произошедших в штабе событий.

Генерал Шаманов посмотрел на часы. Было 18:23. До начала войны оставалось всего девять с половиной часов. Надо было работать.

– Товарищи, – сказал он местным командирам, изрядно удивленным и, что греха таить, изрядно напуганным быстрой и несколько необычной сменой власти, – для начала я представлюсь. Меня зовут Владимир Анатольевич Шаманов, и с этого момента я ваш командующий, а генерал-майор Александр Михайлович Василевский – мой начальник штаба. Вот приказ о моем назначении за

подписями товарища Шапошникова и товарища Сталина. На все вопросы «кто», «куда», «откуда» и «зачем» – это все потом. На долгие беседы времени нет. Меньше чем через десять часов фашистская Германия начнет войну против Советского Союза. Бывший командующий округом пытался задержать передачу в войска сигнала «Гроза», по которому части округа должны были быть приведены в состояние полной боевой готовности и занять оборонительные рубежи. В результате его преступных действий войска могли понести огромные потери, что позволило бы противнику совершить рывок вглубь советской территории. Впрочем, за все виновным будет вынесен суровый и справедливый приговор.

– Товарищ генерал-полковник, – обратился к нему начальник оперативного отдела генерал-майор Семенов, – вы полагаете, что нападение будет внезапным, без объявления войны?

– Именно внезапным, Иван Иосифович. Точнее, противник считает, что мы не подозреваем о том, что он нападет на нас без объявления войны, – ответил Шаманов. Потом он повернулся к Василевскому и произнес: – Александр Михайлович, дайте, пожалуйста, карты.

Василевский достал из штабного портфеля несколько больших карт и расстелил их на столе.

– Вот, посмотрите, – сказал Шаманов, – это то, до чего додумались немецкие штабисты в ОКВ. Силами двух моторизованных и одного армейского корпусов 2-й танковой группы, имеющей в первом эшелоне пять пехотных, одну кавалерийскую и четыре танковых дивизии, они собираются под Брестом навалиться на две наших стрелковых дивизии 4-й армии – 42-ю и 6-ю, – смять их и вырваться на оперативный простор в направлении Минска. На другом фланге нас тоже ждет мощный удар. Четыре пехотных и три танковых дивизии 3-й танковой группы, по их расчетам, легко сомнут наши 128-ю и 126-ю стрелковые дивизии 11-й армии, находящиеся в недостроенном Олитском УРе, и двинутся на Алитус – Вильнюс – Минск, по пути громя наши выдвигающиеся им навстречу соединения. В результате, по их замыслу, 4-я и 11-я армии будут разгромлены, а 3-я и 10-я окажутся в окружении.

– Да, товарищ командующий, – задумчиво проговорил Семенов, – очень похоже на то, как товарищ Жуков разгромил товарища Павлова в ходе январской штабной игры.

– Гражданина Павлова, – поправил Семенова чекист.

– Ах, да, товарищ старший майор, – смутился Семенов, – извините. Впрочем, я тоже думаю, что Белостокский выступ – это ловушка, и войска из него надо выводить.

– А что там выводить? – пожал плечами Шаманов. – 5-й кавалерийский, 6-й и 11-й мехкорпуса еще зимой отправлены на переформирование. Остались два стрелковых корпуса, необходимые для того, чтобы удержать границу, и три артполка РГК, командиры которых уже вскрыли «красные пакеты» и движутся туда, куда им и положено – в Граево.

– В Граево? – удивленно спросил Семенов. – Но зачем?

– Сейчас поймете, – ответил Шаманов. – Товарищ Семенов, сходите-ка вместе с товарищем Василевским в кабинет начальника штаба, вскройте сейф и принесите сюда папку под грифом «Гроза».

– Я видел эту папку, товарищ командующий, – удивился Семенов, – только позавчера с ней работал. Но там ничего из того, что вы сейчас сказали, нет.

– Товарищ генерал-майор, – голос генерала Шамана зазвенел металлом, – я еще раз вам приказываю – отправиться в кабинет начштаба округа и в присутствии товарища Василевского достать из сейфа начштаба папку «Гроза», и принесите сюда. Полюбуемся на то, что в округе до этого момента считалось планом прикрытия границы.

Василевский и Семенов вышли из кабинета, а старший майор тихо сказал Шаманову:

– Товарищ командующий, в штабах армий и штабах низшего звена находятся аутентичные «красные пакеты», поступившие из Генштаба. Наш наркомат за этим проследил.

– Хорошо, если так, – ответил Шаманов, – в противном случае начнется такой хаос, что никому мало не покажется.

В этот момент солдаты в камуфляже внесли в кабинет командующего несколько довольно больших металлических ящиков, распаковали их и стали устанавливать какое-то радиооборудование.

– Товарищ генерал-полковник, – доложил руководивший всеми этими действиями полковник с эмблемами связиста, – через несколько минут будет связь с Москвой и штабами армий.

Но прежде чем он выполнил свое обещание, вернулись Василевский и Семенов, причем последний нес в руках большую толстую папку с ботиночными шнурками, опечатанную сургучом. Именно так и выглядит пресловутый «красный пакет округа», в котором находятся все служебные документы и план развертывания войск на случай угрозы войны. Положив папку на стол, Василевский сорвал печати и, вытащив карту, лежавшую сверху, развернул ее на столе.

– Так, – сказал Шаманов Василевскому, склонившись над картой, – Александр Михайлович, узнаете?

– Узнаю, – мрачно ответил Василевский, – примерно тот же план действий, по которому Западный фронт действовал и там у вас. Все те же лобовые контрудары, на этот раз только стрелковыми корпусами за неимением механизированных, и та же переброска 13-й армии в Белостокский выступ…

– Вот именно, Александр Михайлович, – усмехнулся Шаманов, – в общем, можете сложить все это снова в папку и передать ее товарищу старшему майору для приобщения к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. А теперь давайте настоящий план «Гроза».

После этих слов сопровождавший Василевского старший лейтенант поставил на стол большой опечатанный чемодан.

– Ну что же, приступим, товарищи, – сказал генерал Шаманов, разворачивая на столе первую карту.

Местные командиры недоуменно переглянулись. Происходящее все больше и больше сбивало их с толку.

– Извините, товарищ командующий, – растерянно спросил генерал-майор Семенов, – о каком прошлом разе говорил сейчас товарищ Василевский?

– Значит, так, – посмотрев на Василевского, произнес генерал Шаманов, – Александр Михайлович, объясните все происходящее товарищам. Теперь уже можно. Только, будьте добры, по возможности кратко, не вдаваясь в подробности. Времени у нас на лишние разговоры нет.

– Если коротко, – кивнул Василевский, бросив взгляд на портрет Сталина, висящий на стене, – то в начале августа прошлого года на высшее политическое руководство Советского Союза вышли наши потомки из 2017 года и предложили свою помощь в грядущей и неизбежной, по их словам, войне с фашистской Германией. После изучения всех обстоятельств дела между нами и потомками был заключен договор о дружбе, сотрудничестве и военном союзе, по которому в ближайшие часы на помощь нашим войскам в отражении нападения фашистской Германии на территорию округа будет введен союзный Экспедиционный корпус. Вот и все. Все прочие вопросы потом.

– Более-менее все понятно? – поинтересовался Шаманов у остолбеневших от услышанного старших командиров. – Те, кто не хочет воевать под моим командованием, могут присоединиться к гражданину Павлову и его подельникам. Остальные же немедленно должны приступить к своим служебным обязанностям…

– Товарищ генерал-полковник, – доложил полковник-связист, – есть прямая связь с Москвой и нашей базой в Барановичах. Связь с полевыми командными пунктами армий будет минут через пятнадцать.

– Очень хорошо, товарищ Фрязин, – ответил Шаманов, – свяжите меня с маршалом Шапошниковым.

Полковник пощелкал клавиатурой, и через несколько секунд заставка на большом экране в виде эмблемы войск связи, той самой с красной звездочкой, сменилась цветным ярким и сочным изображением маршала Шапошникова, с покрасневшими от вечного недосыпания глазами, сидящего в своем кабинете в здании Генштаба.

– Добрый вечер, Борис Михайлович, – поздоровался Шаманов.

– Добрый вечер, Владимир Анатольевич, – ответил ему Шапошников. – Дела приняли?

– Да тут особо нечего было и принимать, Борис Михайлович, – и Шаманов коротко рассказал об обнаруженном поддельном плане отражения агрессии. – Сейчас пытаюсь поставить задачу местным товарищам, чтобы завтра они во всеоружии встретили врага.

– Ну, – кивнул Шапошников, – бывший командующий Западным Особым округом теперь проходит совсем по другому ведомству. Так что вы, голубчик, постарайтесь в кратчайший срок ввести их в курс дела.

Потом старший майор попросил связаться с его начальством. Пара щелчков клавишами, и вот уже на экране появился «лучший менеджер всех времен и народов» в своем пенсне, после чего старший майор кратко доложил ему текущую обстановку.

– Товарищ Сергеев, – произнес Берия немного помолчав, – то, что Павлова взяли в целости и сохранности, это хорошо. Продолжай в том же духе. Назначаю тебя исполняющим обязанности начальника особого отдела фронта. Цанаву я предупредил, он в твои дела соваться не будет. Сам буду у вас в Минске к утру вместе со следственной группой. Желаю тебе успеха, товарищ старший майор.

Когда Берия отключился, в штабе началась повседневная работа. Генерал-майор Сазонов принялся названивать из своего кабинета, поднимая по тревоге подчиненный ему Западный округ ПВО и отзывая с полигонов зенитно-артиллерийские полки, отправленные туда по приказу Павлова. В настоящий момент небо над Минском защищали всего восемь зенитных батарей: по два 85-мм зенитных орудия 52-К, оснащенных приборами управления стрельбой ПУАЗО-3. Против массированного налета это все равно что ничего. Впрочем, массированных налетов вражеской авиации никто допускать не собирался.

Первым рубежом обороны должна была стать воздушная армия осназ, истребительные полки которой сейчас выполняли перелет из Смоленска на подготовленные для них полевые аэродромы. Второй рубеж состоял из двенадцати трехбатарейных дивизионов снятых со складов длительного хранения комплексов «Куб», которые после 22:00 должны были выйти на свои позиции в окрестностях Минска, Барановичей, Кобрина, Бреста, Белостока,

Гродно. Непосредственно в частях Экспедиционного корпуса для обороны от самолетов противника имелись ЗРК «Стрела-10» на шасси МТЛБ и ПЗРК «Стрела-2». Конечно, для XXI века старье ужасное, но «мессершмиттам», «юнкерсам» и «хейнкелям» всего этого хватит за глаза и за уши.

Тем временем Шаманов, Василевский и Семенов склонились над картой плана прикрытия границы.

– Значит, так, Иван Иосифович, – сказал Василевский Семенову, – общее приграничное оборонительное сражение по плану «Гроза плюс» распадается на три отдельных оборонительных операции: для 11-й армии – Алитусскую, для 3-й армии – Гродненскую и для 4-й армии – Брестскую. Все три операции начнутся одинаково – с сокрушительного артиллерийского контрудара по позициям вражеской артиллерии и по исходным рубежам развертывания танков и пехоты противника.

– Простите, товарищ Василевский, – задал вопрос Семенов, – но для сокрушительного артиллерийского контрудара в округе недостаточно орудий крупных калибров. Кроме того, далеко не все из них находятся там, где надо.

– Необходимые для такого удара дальнобойные и мощные средства массового поражения «Град», «Ураган» и «Смерч» в достаточном количестве имеются в составе Экспедиционного корпуса наших союзников из будущего, – ответил Василевский и вытащил из чемодана несколько карточек.

– Вот, – он, словно пасьянс, разложил карточки на столе, – для того чтобы вы имели представление о том, какие силы и средства планируется задействовать в операции:

Установка «Град». Сорок направляющих для 122-мм реактивных снарядов, дальность стрельбы до двадцати километров, залп одной установки длится тридцать две секунды и обеспечивает поражение живой силы и открыто стоящей артиллерии на ста сорока пяти тысячах квадратных метров. На Алитусском и Гродненском направлениях таких установок будет по триста двадцать четыре, на Брестском – четыреста тридцать две;

Установка «Ураган». Шестнадцать направляющих для 220-мм реактивных снарядов, дальность стрельбы до тридцати пяти километров, залп одной

установки длится двадцать секунд и обеспечивает поражение живой силы и открыто стоящей артиллерии на четырехстах двадцати шести тысячах квадратных метров. На Алитусском направлении таких установок будет сто сорок четыре, на Гродненском и Брестском – по двести восемьдесят восемь;

Установка «Смерч». Двенадцать направляющих для 300-мм реактивных снарядов, дальность стрельбы до девяноста километров, залп одной установки длится сорок секунд и обеспечивает поражение живой силы и открыто стоящей артиллерии на шестистах семидесяти двух тысячах квадратных метров. На Алитусском направлении таких установок не будет. На Гродненском их будет сто восемь и на Брестском – пятьдесят четыре.

Если «Град» предназначен для поражения частей противника, непосредственно придвинутых к границе, то «Ураган» предназначен для работы по удаленным флангам, дивизионным, корпусным и частично армейским тылам. А «Смерч» должен бить по единичным особо важным объектам в глубине вражеских позиций: железнодорожным станциям, складам, штабам и особенно по аэродромам. В зоне поражения «Смерчей» в обеих ударных группировках немцев базируется вся их истребительная и штурмовая авиация, а также все пикирующие бомбардировщики. Иван Иосифович, скажите, как вам концепция завоевания господства в воздухе с помощью дальнобойной реактивной артиллерии?

– Идея интересная, Александр Михайлович, – кивнул Семенов, – но прежде не реализуемая из-за отсутствия подходящих средств. Кстати, нет ли там чего-нибудь подальнобойнее «Смерчей», чтобы доставать объекты, расположенные в глубоком вражеском тылу?

– Там такие комплексы с дальностью стрельбы до пятисот километров есть, – ответил Василевский, – но в связи с тем, что вся германская армия вторжения придвинута практически вплотную к границе, здесь для нас такие системы не являются предметом первой необходимости. Так что давайте вернемся к нашему насущному…

– Хорошо, товарищ Василевский, – сказал генерал-майор Семенов, разглядывая карту, – общий замысел оборонительных операций мне ясен. Ведь именно для противостояния немецким ударным группировкам вы в Генштабе усилили фланговые армии и ослабили центр? Хотя от механизированных корпусов в резерве я бы не отказался.

– Вопрос с мехкорпусами, – пожал плечами Василевский, – был решен на самом высшем уровне, и сейчас он не является предметом нашего обсуждения. О степени боеспособности этих самых мехкорпусов, слепленных «из чего было», вы осведомлены не хуже меня. Часть исправных устаревших танков, как вы знаете, была переделана в артиллерийские тягачи, а часть передана в другие округа.

Теперь давайте вернемся к нашим баранам. Начнем с Алитусской операции. После огневого контрудара противник понесет тяжелые потери и будет ошеломлен, но и только. После задержки в шесть – десять часов, вызванной необходимостью вывезти раненых и провести перегруппировку сил, 3-я танковая группа генерала Гота в любом случае начнет наступление на Алитус по заранее намеченному плану. К этому моменту части прикрытия из состава 128-й дивизии должны будут оставить недостроенный Олитский УР и отойти на удобный для обороны промежуточный рубеж у озерных дефиле в районе станции Симнас. Там дивизия должна будет снова остановить передовые отряды противника из состава 39-го моторизованного корпуса и заставить его, подтянув отставшую пехоту, развернуть свои боевые порядки по всем правилам. После чего немцы получат еще один огневой удар, а 128-я дивизия сможет организованно отойти на рубеж реки Неман в районе города Алитус к основным оборонительным позициям 16-го стрелкового корпуса и механизированных бригад наших потомков.

Аналогично отходя с рубежа на рубеж к позициям 21-го стрелкового корпуса у города Меркине, должна будет действовать против 57-го моторизованного корпуса и 126-я дивизия, дислоцированная сейчас в южной части Олитского УРа. На рубеже удобного для обороны высокого правого берега реки Неман наступающая 3-я танковая группа противника упорной обороной должна быть полностью обескровлена и впоследствии разгромлена.

9-я армия вермахта будет наступать в полосе нашей 3-й армии. 8-й армейский корпус силами трех пехотных дивизий – на Гродно, 20-й армейский корпус силами двух дивизий – на Августов. В связи с фактическим равенством сил, отсутствием у противника эффекта внезапности и своевременным занятием нашими войсками оборонительных рубежей, наличия резерва в виде 204-й механизированной дивизии и самоходной противотанковой бригады РГК, а также поддержки со стороны двух группировок Экспедиционного корпуса в Гродно и Августове, Генеральный штаб на Гродненском направлении считает возможным организовать жесткую оборону по линии госграницы.

Против 2-го стрелкового корпуса, расположенного на правом фланге нашей 10-й армии, будет наступать 42-й армейский корпус 9-й армии противника, растянутый в полосе почти сто километров и наносящий основной удар по линии Граево – Осовец. На этом участке у нас обороняется группировка из 2-й и 8-й стрелковых дивизий, одной мотострелковой и одной ракетно-артиллерийской бригады Экспедиционного корпуса. Поставленная перед ними задача заключается в безусловном удержании за собой линии государственной границы и нанесении огневого поражения находящейся на расстоянии двадцати километров узловой станции Элк, через которую снабжается вся 3-я танковая группа. В случае успеха воевать Готу вскоре будет просто нечем.

– Да, Александр Михайлович, – согласился генерал-майор Семенов, – тут вы абсолютно правы. Эта станция у него как табуретка для приговоренного к повешению – стоит ее выбить, и все, хана.

– Хорошо сказано, Иван Иосифович, – улыбнулся Василевский. – Впрочем, важность данной станции была очевидна изначально. Но давайте двинемся дальше.

50-я стрелковая дивизия занимает позиции на вершине Белостокского выступа и растянута на семьдесят километров. Но больше тут и не надо, ибо противник также считает это направление третьестепенным и имеет здесь аналогичные силы. А вот от Замброва и южнее, в полосе примерно сорок пять километров, на нас навалятся сразу 7-й и 9-й армейские корпуса 4-й армии противника в составе шести пехотных дивизий. Поэтому там сосредоточены наш 5-й стрелковый корпус, две механизированных дивизии армейского подчинения – 29-я и 208-я, а также бригады Экспедиционного корпуса: одна мотострелковая, одна ракетно-артиллерийская и одна ракетно-артиллерийская большой мощности, – которые обеспечат поддержку артиллерийским огнем нашим обороняющимся войскам. Задача – упорная оборона по линии госграницы, с возможным постепенным отходом вглубь советской территории.

В полосе нашей 4-й армии 43-й армейский корпус противника из состава 9-й армии будет наступать против нашего 61-го стрелкового корпуса в полосе шириной примерно сорок километров и при примерно равных силах. Сами понимаете, лезть на высокий восточный берег Буга против соединений, успевших занять подготовленные для них окопы и развернуть артиллерию – занятие в таких начальных условиях бесперспективное.

Южнее, на Брестском направлении, будет действовать 2-я танковая группа генерала Гудериана, имеющая в первом эшелоне два моторизованных и один армейский корпус. Но и у нас тут сосредоточены очень серьезные силы, 28-й стрелковый корпус в районе Бреста, 47-й стрелковый корпус в районе Кобрина, 205-я механизированная дивизия в районе Жабинки, самоходная противотанковая бригада РГК в резерве, а также части экспедиционного корпуса: две мотострелковых, четыре механизированных, четыре ракетно-артиллерийских и одна ракетно-артиллерийская бригады большой мощности.

– Серьезные силы, – удовлетворенно произнес генерал-майор Семенов и спросил: – Александр Михайлович, а почему позиции 75-й дивизии так растянуты?

– А это, – вступил в разговор Шаманов, – наш сюрприз для противника. Если Гудериана вообще нигде не пустить через границу, то он станет искать слабое место и ударит своими танками хотя бы в полосе 61-го корпуса. А это для нас лишняя морока. А так 75-я дивизия немного пообороняется на рубеже Буга, а потом одним полком отойдет на южную окраину Бреста и двумя – к Малорите. После этого Гудериан обязательно влезет в этот прорыв и окажется перед позициями нашего 47-го корпуса у Кобрина, имея с юга и востока болота, с севера реку Мухавец с проходящей по ней нашей линией обороны. В тылу у него останется всего одна простреливаемая артиллерией дорога, причем горловина этой дороги будет проходить через поселок Мухавец, всего в четырех-пяти километрах от наших позиций, и будет уязвима даже для батальонных минометов. Танки, может, и проскочат, пехота просочится лесом, а вот транспортные машины со снабжением – уже нет.

– А ночью? – спросил генерал-майор Семенов.

– И ночью тоже, – ответил Шаманов. – В наше время война идет круглосуточно с применением специальных средств. Таким образом, потрепыхаются немцы дня три-четыре в этом мешке, сожгут все свое горючее, а потом их можно будет брать голыми руками. И чем больше войск они туда загонят, тем весомей будет наша победа.

Воевать мы собираемся с применением всех достижений нашей военной техники: надежной, не прослушиваемой противником связью, радиоэлектронными средствами борьбы и воздушной разведкой, способной вскрыть расположение противника за двести пятьдесят – триста километров от

фронта.

И вообще, в курс дела вы уже вошли, так что принимайтесь за работу, и приготовьтесь ничему не удивляться. Времени на раскачку у нас нет.

21 июня 1941 года, 19:20. Киев, Штаб Киевского Особого военного округа

Сигнал «Гроза», поступивший из Москвы в четвертом часу вечера, поверг генерала армии Жукова в шок. Еще сегодня утром, несмотря на все доклады разведки, которой ему было приказано верить, он еще надеялся, что начало войны удастся оттянуть до лета следующего года. Но нет, не удалось. Приказав передавать сигнал «Гроза» в штабы армий и отправив в Москву подтверждение о том, что сигнал принят и передан в войска, Жуков вызвал к себе начальника штаба округа, а с нынешнего момента – фронта, генерал-лейтенанта Пуркаева, начальника оперативного отдела полковника Баграмяна и командующего ВВС генерал-лейтенанта Кравченко.

Поступить иначе Жуков не мог. Приказы в армии положено выполнять, а не обсуждать, чего он и сам требовал от подчиненных. К тому же Москва, посылая в округа этот сигнал за подписью начальника Генерального штаба Шапошникова и наркома обороны Сталина, знала, что делала. Сигнал «Гроза» отменял все предыдущие директивы и указания, в том числе и пресловутый приказ «не поддаваться на провокации».

С другой стороны – Жуков поморщился, словно от зубной боли, – история, в результате которой Сталин сменил маршала Тимошенко на посту наркома обороны, явно отдавала какой-то мистикой. В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое сентября прошлого года в Московском военном округе была внезапно объявлена проверка боеготовности. При этом в части и соединения округа наблюдать за ходом этой проверки выехали члены Политбюро ВКП(б). Сталин лично посетил дислоцированную в Калинине 73-ю стрелковую дивизию. Результатом объявленной ночью боевой тревоги стал полный хаос и смятение, тем более что половины командиров вообще не оказалось на месте.

Как рассказывали позже очевидцы, вывести части в запасные районы удалось не ранее полудня, вместо нескольких часов, положенных по нормативу. При этом колонны стрелковых полков на марше растянулись, по причине того, что у многих бойцов и даже командиров оказались сбитыми ноги, а некоторые части

вообще заблудились.

На полигонах дело тоже пошло не самым лучшим образом: с грехом пополам окопавшись, бойцы отчаянно мазали из винтовок, а прибывшая с большим опозданием артиллерия не смогла накрыть указанные посредниками цели. Авиация округа тоже находилась не в лучшем состоянии – часть самолетов не смогла взлететь, а результаты штурманского ориентирования, бомбометания и стрельбы по конусу были просто удручающими. К тому же при посадках произошло несколько аварий, а две из них закончились гибелью пилотов.

Результат этой проверки оказался разгромным. На последовавшем через неделю совещании высшего комсостава РККА, совмещенном с заседанием Политбюро, на котором присутствовал и Жуков, Сталин сказал:

– Если бы Московский округ был приграничным, и если бы это были не учения, а война, то его войска, несомненно, оказались бы полностью уничтожены противником в ходе внезапного нападения. Вы думаете, что враг даст вам время, чтобы действовать не спеша и по старинке? Ничего подобного, товарищи! Нынешние войны начинаются внезапно, и если вы будете действовать так, как действовали войска Московского округа на прошедшей проверке, то, несомненно, будете полностью разгромлены. Нам недостаточно иметь армию, сильную только на бумаге. Нам требуется содержать ее в состоянии высочайшей боеготовности. Если вы этого не понимаете, то грош вам цена как высшим командирам!

Когда маршал Тимошенко начал было оправдываться «объективными обстоятельствами» и тем, что он менее полугода находится в должности наркома обороны, Сталин пошептался о чем-то с сидящим по левую руку от него маршалом Шапошниковым и произнес:

– Не товарищ Сталин, а вы, товарищ Тимошенко, сразу после вступления в должность должны были организовать подобную проверку, чтобы выявить все слабые места и недостатки нашей армии, для того чтобы их устранить. Но вы этого не сделали, а сделал это товарищ Сталин. Было бы гораздо хуже, если бы такую внезапную проверку нам устроили японцы или немцы. Есть мнение, что вы это не понимаете. А это значит, что вы не готовы исполнять обязанности наркома обороны и вам напрасно доверили такой высокий пост.

Это был приговор. Помимо маршала Тимошенко, назначенного командовать Уральским военным округом, своих постов лишились: исполняющий обязанности начальника Генштаба генерал Мерецков, которого вновь сменил маршал Шапошников, и начальник управления ВВС РККА генерал Рычагов. Кроме того, после этого совещания в войсках началась самая настоящая – генерал Жуков не мог подобрать иного слова – штурмовщина по повышению боеготовности. Марш-броски, окапывание, стрельбы, метание гранат. Танкистов заставляли ездить, артиллеристов стрелять, а летчиков летать, беспощадно карая за аварийность и травматизм и в то же время не снижая темпов боевой подготовки и не ослабляя контроль, который был возложен на особые отделы.

Потом началось чехарда с подвижными частями. Только что сформированные восемь мехкорпусов снова расформировали, причем большая часть личного состава – командиры, наводчики и механики-водители – убыли в неизвестном направлении. Часть танков, в основном пулеметные двухбашенные Т-26, передали в качестве тягачей в корпусную артиллерию, часть отправили во внутренние округа, а часть машин, имевших предельный износ, просто списали. Взамен на базе кавалерийских корпусов началось формирование четырех конно-механизированных корпусов усиленного состава, для укомплектования которых с заводов прибывали новенькие танки КВ-1, Т-34 и БТ-7М.

У Жукова в Киевском особом военном округе было два таких соединения. 2-й КМК генерала Рябышева – бывший 4-й кавкорпус – располагался в районе Радехова, вдоль железной дороги Луцк – Львов. А 3-й КМК генерала Карпезо – бывший 5-й кавкорпус – в районе Броды, вдоль железной дороги Дубно – Львов. Общая численность подвижной группировки составляет: четыре кавалерийские дивизии, двести сорок тяжелых, четыреста восемьдесят средних и триста шестьдесят легких танков, все с посаженным на броню десантом. Кстати, броневой десант – это еще одно новшество, шедшее вразрез со всеми прежними инструкциями, наставлениями и уставами, прямо запрещавшими перевозить пехоту на танковой броне.

И хоть после этой реорганизации общая численность танков в округе сократилась более чем вчетверо, генерал Жуков был вынужден признать, что боеспособность подвижных соединений при этом лишь возросла. Особенно если учитывать то, что конно-механизированные части обучали куда интенсивней, чем пехоту или ту же артиллерию. Жуков сам был в мае у Рябышева на корпусной проверке и не мог не признать, что взаимодействие между кавалерией, танками, броневым десантом и артиллерией вполне отработано,

в силу чего можно считать, что корпус к войне вполне готов. Если бы такая мощь была у него два года назад на Халкин-Голе, то он разнес бы японцев вдребезги, даже не особо напрягаясь.

А в марте-апреле в округ прибыли шесть самоходных противотанковых бригад РГК, тут же включившихся в лихорадочный темп боевой подготовки, как и остальные части и соединения. Четыре таких бригады были дислоцированы в полосе 5-й армии и сведены в особый противотанковый корпус генерала Москаленко. Еще две приданы конно-механизированным корпусам Рябышева и Карпезо. Жуков не был бы Жуковым, если бы не побывал лично во всех бригадах и не ощупал новую технику своими руками. Оснащенная дульным тормозом длинноствольная пушка Ф-22 в щитовой установке и приземистая клиновидная машина на широких гусеницах ему понравились. Но, черт возьми, ни в советском, ни в зарубежном танкостроении у нее не было аналогов. Это наводило на определенные вопросы, на которые у генерала пока не было ответов. Кто заставил деятелей из ГАБТУ презреть все свои прежние установки и дать добро на создание такой революционной машины? Точнее, кто это сделал, было понятно – главный вопрос заключался в том, почему товарищ Сталин принял такое решение. К тому же боекомплект к самоходке состоял из особых выстрелов, маркированных как 1900/3К, которыми прямо запрещалось стрелять из полковых пушек образца 1902/30 года.

– Разорвет нахрен, товарищ командующий, – сказал Жукову генерал Москаленко, – вы даже костей потом не соберете. Этот выстрел только для Ф-22 и УСВ, чьи стволы изначально рассчитаны на метательный заряд пушки 3К.

Впрочем, того, как метательный заряд от пушки 3К смогли затолкать в гильзу образца 1900 года, Жуков так и не понял. И никакие связи и знакомства в ГАУ ничем не могли ему в этом помочь. Вся эта история была настолько секретной, насколько это возможно только в СССР. Кстати, такие же выстрелы генерал армии видел в укладках танков из состава конно-механизированных корпусов. А длинноствольная пушка Ф-34У, которой они были вооружены, выглядела как родная сестрица Ф-22. И она при форсировании рва в землю почему-то не втыкалась. Просто в походном положении ее надо держать не горизонтально, а поднятой на пятнадцать градусов. Танк при этом, правда, выглядел как задравший голову зазнайка, но это уже дело десятое. Вид же получался даже бравый и внушающий уважение.

После самоходных бригад, в конце апреля – начале мая «из глубины» в округ густо пошли эшелоны с дополнительными стрелковыми корпусами: двумя для 5-й и одним для 6-й армии. Причем, что самое интересное, все мероприятия по переброске дополнительных войск прекратились где-то в начале июня, после чего все внешне притихло, и только накал боевой учебы не спадал не на один день. Тогда же были отменены отпуска, а военные училища и Академия Генштаба досрочно провели экзамены и направили выпускников в войска. Делалось это в таком темпе, словно война должна была начаться уже завтра.

«А вот смотри ты, – подумал Жуков, – она завтра действительно начнется».

Но вот, наконец, подошли вызванные Жуковым генералы Пуркаев и Кравченко, а также полковник Баграмян, после чего были вскрыты пакеты с планами прикрытия границы и запечатанное отдельным пакетом сверхсекретное приложение к нему, которое, как оказалось, содержало план действий германских (!!!) войск на момент начала войны с точным указанием участвующих в наступлении сил. При этом многие спущенные сверху решения, до сей поры непонятные, неожиданно обрели смысл.

Войска, расположенные в полевых лагерях в десяти-двадцати километрах от границы, за ночь требовалось скрытно вывести в районы оборонительных рубежей для их своевременного занятия. Время пошло.

Отдельный разговор у Жукова состоялся с генерал-лейтенантом Кравченко, до назначения командующим ВВС округа возглавлявшего здесь же 64-ю истребительную дивизию. Он занял этот пост всего два дня назад, 19 июня, когда командовавшего ВВС округа генерал-лейтенанта Птухина отозвали в Москву в распоряжение Управления кадров Наркомата обороны. Генерал Кравченко был решительным командиром, храбрым и умелым летчиком, который поучаствовал в воздушных боях с японцами в Китае, на Халхин-Голе и во время злосчастной войны с белофиннами. В свои неполные двадцать девять лет он уже имел две Звезды Героя, два ордена Красного Знамени, орден Ленина, орден Знак Почета за испытания новых самолетов, орден Боевого Красного Знамени Монгольской республики и звание генерал-лейтенанта.

Это был тот самый авиационный генерал, который без колебаний выполнит все приказы командования, подняв на рассвете двадцать второго июня в воздух все две тысячи самолетов ВВС округа для того, чтобы лично повести их в бой.

Жуков молча выложил перед Кравченко карточки, в которых были выписаны соотношения сил и средств ВВС округа и немецкого 4-го воздушного флота, и постучал по ним пальцем. Две тысячи самолетов округа против семисот двадцати трех в 4-м воздушном флоте. Прошлогодняя ожесточенная «битва за Британию» аукнулась немцам огромными потерями, как в самолетах, так и в опытных летчиках довоенной выучки. На направлении главного удара противника только в новых истребителях превосходство советских ВВС было почти шестикратным. Четыреста И-182, сто девяносто перевооруженных пушками Б-20С истребителей МиГ-3 и шестьдесят истребителей Як-1М против ста девяти Ме-109 F из состава 3-й истребительной эскадры люфтваффе.

– Товарищ Кравченко, – сказал Жуков, – исходя из этих данных, полученных нашей разведкой, ни завтра, ни послезавтра, ни когда еще либо, ни одна бомба не должна упасть на наши войска, аэродромы, склады и города. Родина дала вам для этого все необходимое, и теперь пришло время оправдать ее доверие.

– Выполним приказ Родины, товарищ командующий, – ответил Кравченко и, собрав со стола предназначенные ему бумаги, вышел вон – делать свое дело. Пришел звездный час, к которому он, возможно, готовился всю жизнь.

Когда все участвующие в совещании покинули кабинет, Жуков подошел к висящей на стене большой карте округа и подумал, что если бы немцы решили напасть на СССР месяц назад, когда войска были в беспорядке разбросаны по всей территории округа, исходя из наличия казарменного фонда, а границу прикрывала только тоненькая ниточка передовых батальонов, то все могло быть гораздо хуже. А теперь – совсем другое дело. Пусть Рунштедт приходит – он, Жуков, сумеет его и достойно встретить, и как следует угостить.

21 июня 1941 года, 20:35. Прибалтийский особый военный округ, Шауляй, базовый аэродром 7-й смешанной авиационной дивизии

Командир дивизии полковник

Петров Павел Максимович

Большое красное солнце спускалось к горизонту. Если верить недавно вскрытому «красному пакету», заканчивался последний мирный день. Особой неожиданностью это не стало. Несмотря на «заявление ТАСС» и другие политические маневры, в войсках приграничных округов давно ощущалось жаркое дыхание предстоящей войны. И для этого не надо было обладать даром Кассандры. Признаками этому служили непрерывная боевая подготовка, проводимая, невзирая на возросшую аварийность и износ матчасти, участившиеся в последнее время внезапные проверки боеготовности, а также то, что, вопреки всем правилам и обычаям, новые самолеты теперь не привозили из Москвы разобранными и в ящиках, а перегоняли прибывающими с переучивания летчиками с завода на полковой аэродром своим ходом, с одной промежуточной посадкой на аэродроме в Витебске, что тоже добавило комдиву немалую головную боль.

Такая лихорадка, которую в шутку некоторые командиры даже называли учебной войной, говорила, что и настоящая большая война была не за горами. Так не готовились ни к Халхин-Голу, ни к Финской, ни к освободительным походам в Западную Украину и Западную Белоруссию и в Бессарабию. Кроме того, в отличие от прошлого варианта истории, о котором тут, конечно, никто и не догадывался, вздрюченные Мехлисом политработники основной упор делали на то, что, несмотря на разные сиюминутные политические комбинации, основной задачей РККА является защита социалистического Отечества. И в случае же если опьяненные своими победами на Западе германские фашисты посмеют напасть на СССР, то они должны быть немедленно отражены, разгромлены и уничтожены. А потому, как говорил великий Ленин, «учиться военному делу надо самым настоящим образом». Ничего неожиданного и сверхъестественного, не правда ли? Поэтому и вскрытие «красного пакета» не вызвало у полковника особых эмоций – к подобному он был давно уже готов.

Еще до известия о близком начале войны у полковника Петрова голова шла кругом от реорганизаций последних месяцев, поступления новой техники и ускоренной боевой учебы.

Если И-182 в пилотировании был очень похож на своего предшественника И-16 и не доставлял особых проблем при переучивании, то МиГ-3 был капризен в управлении, и с ним летчикам пришлось изрядно помучиться. Хороший пилот на нем становился средним, а средний был хуже новичка, только что вышедшего из училища, даром что машина высотная и скоростная. Летчикам 10-го истребительного полка больше понравился И-182, машина одновременно

компактная, хорошо вооруженная, маневренная и скоростная. Побольше бы таких, говорили они. Своего мнения Петров составить не мог, поскольку по прошлой службе он был бомбардировщиком, а это совсем другие рефлексы.

На данный момент 7-я САД, перебазированная под Шауляй из-под Митавы, должна была обеспечивать оборонительные действия 8-й армии на направлении главного удара 4-й танковой группы немцев. Дивизия в себя включала:

в Шауляе 10-й истребительный авиаполк смешанного состава – сорок восемь новеньких И-182 и двадцать четыре высотных истребителя МиГ-3. В Шауляй из-под Митавы был также передислоцирован 241-й штурмовой авиаполк – шестьдесят переделанных в штурмовики истребителей И-153 «Чайка» первых выпусков с пулеметным вооружением;

В Паневежисе базировался 9-й бомбардировочный авиаполк – пятьдесят четыре СБ-бис2, и 238-й истребительный авиаполк – шестьдесят пушечных «чаек» последней серии, выпущенных в первой половине прошлого года;

В Груджае на аэродроме был готов к бою 46-й бомбардировочный авиаполк – тридцать бомбардировщиков СБ-2бис и двадцать четыре пикирующих бомбардировщика Ар-2.

Всего двести восемьдесят восемь самолетов – вроде бы немалая сила, но полковник Петров понимал, что, несмотря на усиленную подготовку, дивизия была лишь условно готова к войне. В первую очередь остро не хватало истребителей. Двумя истребительными полками требовалось прикрывать от ударов вражеской авиации свои войска и аэродромы и осуществлять сопровождение вылетов двух бомбардировочных и одного штурмового полков.

Тихоходные СБ и Ар-2 без истребительного прикрытия – это просто мясо для пушечных «мессершмиттов». Да и груженные авиационными ракетами «чайки» до момента штурмового удара по маневренности мало чем отличаются от стельных коров. Вот и придется рвать на части единственный полк на новых истребителях.

Использовать в качестве истребителей «чайки» – это тоже не выход. К началу сорок первого года этот самолет как истребитель фатально устарел, и не может на равных противостоять «мессершмиттам». И на неравных, кстати, тоже. Да что

там «мессершмитты» – на прямой «чайка» с мотором М-25 была не в состоянии догнать и Ю-88, имеющий превосходство в скорости на целых сто километров в час. Новые «чайки» с мотором М-62 были, конечно, пошустрее, но применять их было желательно только в составе большой группы в прикрытии бомбардировочных формаций.

Но как бы то ни было, а уже завтра полковнику Петрову придется вести свою дивизию в бой. Единственный способ избежать неоправданных потерь – это, не распыляя сил, бить всей дивизией в одно место сжатым кулаком, не раздергивая самолеты по эскадрильям и звеньям.

Вскрыв «красный пакет» и вчитавшись в его содержимое, полковник Петров вздохнул с облегчением. Было указано место для массированных бомбоштурмовых ударов в полосе действия дивизии: железнодорожный и шоссейный мосты через Неман в районе Тильзита, сама железнодорожная станция и, предположительно, забитая немецкими войсками второго эшелона дорога Тильзит – Шауляй.

Завтра на рассвете, одновременно с соседями, он должен поднять в небо свой 10-й истребительный полк, для того чтобы встретить в воздухе бомбардировщики 1-го воздушного флота немцев, отразить их удар, после чего бомбардировочные и штурмовые полки дивизии под прикрытием пушечных «чаек» должны будут приступить к непосредственной поддержке наземных войск. «Готовность № 2» в полках должна быть объявлена немедленно, «Готовность № 1» – за час до рассвета. Взлет 10-го полка – по команде с выдвинутых к границе постов ВНОС, а ударной группировки – через пять минут после взлета истребителей первой волны.

До границы от базовых аэродромов – сто километров, до Тильзита – сто тридцать. Подлетное время для немецких бомбардировщиков – четверть часа, а И-16 на пяти километрах будет через шесть минут после взлета, И-182 – через четыре с половиной, а МиГ-3 – минут за десять заберется на свой эшелон высотного чистильщика в восемь километров. Если немцы завтра действительно начнут, то пусть их летчики пеняют потом только на себя и своего фюрера.

Соседом дивизии Петрова слева была 6-я смешанная авиадивизия, действующая в полосе 16-й армии. Соседом справа – 8-я смешанная авиадивизия, прикрывающая действия 19-й армии. Положение дел с истребителями там было аналогичным: по одному истребительному полку смешано на И-16 и новых И-182,

и по одному полку на устаревших «чайках», пригодных только для использования в качестве легких штурмовиков.

«Миги» в прибалтийском округе были только у него, но полковник Петров с превеликим удовольствием спихнул бы их соседям, поменяв на те же самые И-182. Но это так, только умозрительно. На самом деле ни о каком обмене не могло быть и речи, не на базаре, чай. У МиГ-3 в тактической схеме «этажерка» было свое законное место высотного чистильщика, ведь на высотах свыше семи километров ему просто нет равных ни в советских, ни в германских ВВС. Пусть немецкие летчики пытаются реализовать преимущество «мессершмитта» в скороподъемности уходом на вертикаль. Там, наверху, их ждет небольшой, но очень неприятный сюрприз.

Доложив «наверх» командующему ВВС округа генерал-майору Новикову о том, что боевое задание на первый день войны принято и понято, полковник Петров вместе с начальником штаба дивизии полковником Соловьевым сели готовить боевой приказ на завтрашний день, детализируя задачу полкам дивизии. Завтрашний день должен был или поднять их на вершину славы, или низвергнуть в пучину позора, чего полковник Петров искренне хотел избежать.

21 июня 1941 года, 22:15. Западный особый военный округ, Кобрин, Штаб 4-й армии

Генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков

Из характеристики, данной генералу Чуйкову:

«…генерал-лейтенанту Чуйкову свойственны такие положительные качества, как решительность и твёрдость, смелость и большой оперативный кругозор, высокое чувство ответственности и сознание своего долга».

На западе, где-то за Брестом, как предвестье завтрашнего дня пылал багровый закат. На потемневшем небе уже готовы были высыпать яркие звезды. Еще немного, и начнется самая короткая ночь года. Но генерал-лейтенанту Чуйкову сейчас было не до наблюдения за природными красотами Белоруссии. Слишком

уж многое произошло за этот день.

Сначала был сигнал «Гроза», доведенный до командования армии не штатным путем, через штаб округа в Минске, а по линии НКВД. Усталый, с покрасневшими от постоянного недосыпания глазами начальник особого отдела армии капитан госбезопасности Бобров доложил ему и начальнику штаба армии полковнику Сандалову, что сигнал «Гроза» по линии НКВД поступил еще полчаса назад, и что время, отведенное ему инструкцией на ожидание такого же сигнала по армейской связи, уже вышло. Каждый должен заниматься своим делом, командование армии должно готовить ее к будущим сражениям, а он, капитан госбезопасности Бобров, должен ловить шпионов и диверсантов, которые, несмотря на все его усилия, продолжают появляться в армейских тылах.

– А как же командующий округом генерал Павлов? – растерянно спросил полковник Сандалов.

– А генерал Павлов, – ответил капитан госбезопасности Бобров, – скорее всего, оказался скрытым предателем, участником троцкистско-зиновьевского блока, вроде Тухачевского, Якира, Уборевича и прочих. Сейчас с этим фактом со всей серьезностью уже разбираются в Москве. И скорее всего, у округа, то есть уже фронта, появится новое командование. Но это вопрос не нашей компетенции, товарищ полковник. Вот, вместе с товарищем генерал-лейтенантом распишитесь, пожалуйста, здесь и здесь о том, что с сигналом «Гроза» вы ознакомлены и предупреждены об ответственности за непринятие мер согласно плану прикрытия границы.

Сказал как отрезал. Точка. Хотя Чуйкову и Сандалову и не хотелось верить в предательство генерала Павлова, но свою подпись в спецжурнале об ознакомлении с сигналом «Гроза» они поставили и, вскрыв опечатанную папку, немедленно приступили к выполнению всех предписанных мероприятий по подготовке к отражению внезапной агрессии фашистской Германии.

Хотя какая она, к едрене фене, внезапная? В последний месяц все увеличивающуюся концентрацию немецких войск на левом берегу Буга мог не заметить только слепой. Генерал Чуйков не раз и не два выезжал в передовые части на самой границе. Одно дело, слушать убаюкивающие сказки из штаба округа в Минске, и совсем другое – собственными глазами наблюдать на своем участке все возрастающую концентрацию германской пехоты и артиллерии, которые в последнее время нагло начали выдвигаться прямо к границе. Так что

ничего неожиданного в сигнале «Гроза» для генерала не было. Еще в начале июня отменили все отпуска для комсостава, а восемнадцатого числа войска армии, выведенные в полевые лагеря по личному указанию наркома обороны товарища Сталина, были приведены в состояние повышенной боевой готовности.

Признаков близкой войны, особенно здесь, на приграничном рубеже, не видел только слепой. Помимо всего прочего, осень, зиму и весну войска армии буквально не вылезали из учений, внезапных ночных тревог, дивизионных и корпусных проверок боеготовности. Сам участник боевых действий в Китае в 1927—29 годах и в недавней войне с белофиннами, генерал Чуйков не мог не признать, что в результате предпринятых в последнее время мероприятий вверенная ему армия не только численно увеличилась на один стрелковый корпус, прибывший из Московского военного округа, но и значительно усилила боеспособность.

Передав сигнал «Гроза» в стрелковые корпуса и части армейского подчинения, штаб армии начал готовиться к перебазированию на полевой командный пункт, расположенный в лесном массиве в одиннадцати километрах северо-восточнее Кобрина.

Одним из первоочередных мероприятий по плану прикрытия границы была команда распечатать полковые вещевые склады мобилизационного резерва и перед выдвижением на исходные позиции переобмундировать все части армии в новую «камуфляжную полевую форму образца 1941 года». Первыми эту форму надели штабные командиры и бойцы комендантской роты штаба армии. Как человек с боевым опытом, генерал Чуйков не мог не признать, что новое обмундирование для ведения боевых действий куда удобнее и практичнее старых образцов.

Правда, некоторых командиров и политработников возмущало то, что в новом камуфляже они стали почти неотличимы от рядовых бойцов и младших командиров. Такие кадры, чего греха таить, тоже были в рядах РККА. Но с ними разговор будет короткий. Кого-то спишет война, а кого-то – особист, поставивший спецпометку в личном деле. Чтобы смыть такую спецпометку, этим людям надо будет потом очень-очень постараться.

Кроме всего прочего, после ноля часов 22 июня все бойцы и командиры в форме образца 1938 года подлежали немедленному задержанию и разоружению, а в случае оказания ими сопротивления, сотрудники НКВД получили право

открывать огонь на поражение. Как сказал капитан госбезопасности Бобров, делалось это с целью выявления многочисленных групп, переодетых в советскую военную форму вражеских диверсантов, которые должны действовать в армейских тылах с началом немецкого нападения. Кое-кого из числа тех, что были заброшены заранее, уже удалось отловить. Но самое большое количество, как выразился капитан Бобров, «интуристов» должно было прибыть с сопредельной стороны в ночь с двадцать первого на двадцать второе июня.

Параллельно с чисто военными приготовлениями должны быть проведены мероприятия по эвакуации в тыл семей командиров, а также местных советских, партийных и хозяйственных работников Брестской области. Сами же они должны перейти на казарменное положение с подчинением командованию армии.

Последним сюрпризом, затаившимся на дне папки с документами по плану прикрытия границы, был запечатанный сургучными печатями пакет из плотной бумаги с надпечаткой «Вскрывать только при поступлении сигнала “Гроза”». Вот тут товарищей Чуйкова и Сандалова ждал самый настоящий шок. Это был документ о том, что с двадцати двух часов вечера в расположение 4-й армии для взаимодействия в отражении агрессии фашистской Германии вводятся тринадцать мотострелковых, механизированных и артиллерийских бригад из состава союзного СССР Экспедиционного корпуса, прибывшего из далекого 2018 года. Отложив бумагу в сторону, Чуйков ошарашенно переглянулся с Сандаловым, после чего они вместе недоуменно уставились на армейского особиста.

– Да, товарищи, – кивнул в ответ на их немой вопрос капитан госбезопасности, – действительно, так оно и есть. Вы можете думать об этом все что угодно, но прошу учесть, что наличие такого союзника до самого последнего момента являлось самым охраняемым из всех секретов Советского Союза.

– Вы там были, товарищ капитан госбезопасности? – спросил Чуйков.

– Был, – ответил Бобров, – скажем так, товарищ генерал-лейтенант, на курсах повышения квалификации. Подробности сообщить вам не могу, сами понимаете – подписка. Подождите немного. Все же лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Но прежде чем в окрестностях Кобрина появились передовые подразделения Экспедиционного корпуса, к штабу армии подъехало несколько больших крытых трехосных грузовиков передвижного армейского узла связи, сопровождаемые двумя самоходными зенитными установками. Старший лейтенант, командовавший этим хозяйством, смотрел на генерала Чуйкова как на оживший памятник. А то как же, круче было бы лицезреть только самого Сталина, Жукова или Рокоссовского. Хотя переодевшись в камуфляж, выглядел Чуйков не совсем канонично.

– Товарищ генерал-лейтенант, – связист откозырял Чуйкову, – есть связь со штабом фронта. Товарищ командующий у аппарата…

Когда генерал Чуйков поднялся по лесенке в кузов одного из грузовиков, там его ожидал еще один сюрприз. Если вооружение и боевая техника, которой был оснащен Экспедиционный корпус, в основном была еще советского производства – вермахту и того хватит за глаза и за уши, – то аппаратура связи, напротив, была самой что ни на есть современной, отчасти даже еще не поступившей в войска. Просто, совмещая приятное с полезным, самой современной системе управления войсками устроили обкатку в боевых условиях.

Так что Чуйков в кузове увидел не телеграфный аппарат прямого провода и даже не телефонную трубку ВЧ, а большой плоский экран, на котором как живой возник незнакомый ему полноватый человек, в таком же, как у него, камуфляже и со знаками различия генерал-полковника. Впрочем, стоявшего рядом с незнакомцем генерал-майора Василевского Чуйков знал, ибо тот уже приезжал к нему в армию по линии Генштаба в конце мая, чтобы провести одну из проверок боеготовности.

– Добрый вечер, Василий Иванович, – произнес незнакомец, – меня зовут Шаманов Владимир Анатольевич. По личной просьбе товарища Сталина с этого момента я командую Западным фронтом, а Александр Михайлович Василевский является моим начальником штаба.

– Здравия желаю, товарищ генерал-полковник, – ответил генерал Чуйков, – докладываю, что, согласно плану прикрытия государственной границы, войска армии подняты по тревоге и с наступлением темноты начнут выдвижение на исходные позиции.

– Очень хорошо, Василий Иванович, – кивнул Шаманов, – а теперь слушайте боевой приказ…

Этот разговор с новым командующим состоялся всего полтора часа назад. А сейчас генерал Чуйков и полковник Сандалов, уже сделавшие в первом приближении все, что было необходимо для завтрашнего дня, стояли в сгущающейся темноте на окраине Кобрина и вслушивались в приближающийся со стороны Барановичей тяжкий гул множества мощных моторов.

Поток техники, в полумраке в два ряда сплошной лавиной двигавшейся по шоссе, казался им бесконечным. Тяжелые приплюснутые танки с длинноствольными пушками чуть ли не корабельного калибра сменялись легкими гусеничными клиновидными машинами, на которых верхом сидела вооруженная короткими карабинами пехота. За ними двигались самоходные гаубицы, на смену которым приходили тяжелые грузовики с укутанным брезентом странными коробчатыми установками вместо кузовов, причем некоторые из них были огромными на четырех осях, с толстыми колесами в человеческий рост и длиной не менее двенадцати метров. Потом снова самоходные гаубицы, но на этот раз совсем уж монструозные, с длинными восьмидюймовыми стволами. Куда там привычной Б-4! За ними самоходные зенитки, и снова танки и мотопехота на броне.

Вдыхая густой соляровый угар, который сейчас был для него слаще запаха дорогих духов, генерал Чуйков подумал, что завтра немцам будет хреново. Они столкнутся и с этой мощью брони и крупных калибров, и со ста шестьюдесятью тысячами бойцов и командиров его армии, которые в данный момент уже занимают оборону по линии государственной границы.

Впрочем, все это будет завтра. А пока не наступил рассвет, они с полковником Сандаловым много еще чего должны успеть. Если Родина доверила им отразить наступление одного из самых лучших немецких генералов, то они должны сделать все возможное, чтобы оправдать ее доверие.

21 июня 1941 года, 22:45. Украинская ССР, Киев, квартира 1-го секретаря ЦК КП(б) Украины Никиты Хрущева

Появившийся поздно вечером на пороге хрущевской квартиры курьер с пакетом не удивил главу Компартии Украины. Все-таки Никита Сергеевич, за глаза

прозванный товарищами Клоуном, был видным партийным и государственным деятелем, а таких людей из Кремля могут побеспокоить в любое время дня и ночи.

Удалившись к себе в кабинет и вскрыв пакет, Хрущев из записки за подписью Поскребышева узнал, что на завтрашнее утро назначено экстренное заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором он обязательно должен присутствовать, и что на аэродроме в Борисполе его уже ждет готовый к вылету самолет с опытным экипажем.

Хрущев был встревожен, Хрущев был напуган, да нет, он был просто в панике. Такой вызов мог означать все что угодно – от перевода с повышением в Москву до внезапного ареста прямо на столичном аэродроме. В последнее Хрущеву верилось больше. Были уже, знаете ли, прецеденты.

Кроме всего прочего, Никита Сергеевич не был клиническим имбецилом, каким он старался казаться товарищам по партии, для того чтобы его не сожрали в ходе одной из многочисленных политических интриг. Не столько умный, сколько хитрый и подлый, он давно поставил себе цель забраться на самую вершину партийной пирамиды власти, но прекрасно понимал, что при живом Сталине это попросту невозможно. Интрига была долгой, тайной. На своем пути наверх, начавшемся двенадцать лет назад с учебы в Промакадемии, Хрущев не жалел никого, ни врагов, ни, в особенности, бывших друзей-троцкистов.

Попав в Москву и занесенный там в список партноменклатуры, он ступенька за ступенькой, шаг за шагом стал подниматься по карьерной лестнице. Выдвиженец Лазаря Кагановича, Хрущев был готов есть из всех корыт разом: секретарь парткома Промакадемии, 2-й, а затем и 1-й секретарь Московского горкома ВКП(б), с совмещением должности 1-го секретаря Московского областного комитета. В Москве он обретался до февраля 1938 года, после чего был переведен в Киев на свою нынешнюю должность, вместо отозванного в Москву и впоследствии репрессированного Станислава Косиора.

Хрущев убрался из Москвы вовремя – всего через полгода ежовщина была разгромлена, сам Ежов арестован и позднее расстрелян. Под расстрел попал и комиссар госбезопасности 1-го ранга Станислав Реденс, бывший начальник УНКВД по Московской области и, по совместительству, муж свояченицы Сталина Анны Аллилуевой. В две руки Никита Сергеевич и Реденс репрессировали в Москве и Московской области десятки тысяч людей. Хрущев требовал

увеличить «лимит» на расстрельные приговоры. Он додумался даже предложить Сталину провести показательные расстрелы «врагов народа» на Красной площади, но вождь тогда одернул Никиту, сказав ему: «Уймись, дурак!»

Никита Сергеевич отсиделся в Киеве, когда Берия зачистил ежовскую банду. О нем тогда либо просто забыли, либо сочли неопасным. Клоун он и есть клоун. Впрочем, и сам Никита Сергеевич тоже старался как мог, с удвоенной силой включившись в разоблачение своих вчерашних друзей, одновременно налаживая новые связи. Одних только членов партии с санкции Хрущева в 1938–1940 годах на Украине было арестовано около ста пятидесяти тысяч человек.

Но потом все пошло как-то не так. Уже налаженные им связи беспощадно обрубались, нужных ему людей понижали в должности, переводили на другие посты, а то и вовсе арестовывали как троцкистов. В феврале этого года с должности наркома внутренних дел Украинской ССР был снят Иван Серов, с которым у Хрущева наладились, гм, «доверительные» отношения. Серов не докладывал в Москву о разных мелких шалостях Хрущева по своей линии, а тот, в свою очередь, закрывал глаза на разные нарушения социалистической законности со стороны НКВД.

Все изменилось, когда Серова сменил присланный из Москвы бериевский волчара Сергиенко, который сперва был первым замом Серова, а потом и сам занял пост наркома. Никита Сергеевич сразу же почувствовал себя, как муха, накрытая стаканом. Жужжать можно сколько угодно, а больше – ни-ни. В нашей истории, потом, придя к власти, Хрущев в 1954 году отомстил Сергиенко, лишив его званий и наград, под предлогом неквалифицированного руководства органами НКВД во время Киевского окружения 1941 года.

Цитата из справки ЦК КПСС от 31.12.1954 с ходатайством о лишении генеральского звания:

«…в сентябре 1941-го при приближении немцев к Киеву не обеспечил своевременную эвакуацию аппарата НКВД УССР, в результате чего около 800 сотрудников оказались в окружении, многие попали в плен, погибли или пропали без вести. Сам Сергиенко проявил “растерянность и трусость”. Будучи в окружении, заявил работникам НКВД: “Я вам теперь не нарком, и делайте что

хотите”. Отделился от группы работников НКВД УССР 13.10.41 и до 21.11.41 проживал в Харькове на оккупированной территории. Затем самостоятельно вышел из окружения и появился в расположении советских войск. По показаниям Абакумова, хорошо относившийся к Сергиенко Берия взял его под защиту, и поэтому он не был подвергнут проверке, положенной для окруженцев». (ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.451. Л.387–388, 36–38)

Вот только Никита Сергеевич скромно умолчал, что вместе с командующим Юго-Западным фронтом Кирпоносом и маршалом Тимошенко, являвшимися его креатурами, именно он и стал одним из главных виновников того самого окружения под Киевом, в которое попали четыре советских армии: 21-я, 5-я, 37-я, 26-я. В этом котле погибли, пропали без вести или попали в плен более шестисот тысяч советских бойцов и командиров, было потеряно примерно четыреста танков, двадцать восемь тысяч орудий и минометов и триста пятьдесят боевых самолетов. Но теперь, когда история круто изменилась, этого не должно произойти.

Кстати, о генерале Кирпоносе, которым Хрущев мечтал заменить этого упрямого и тупого солдафона Жукова. Командующий Ленинградским военным округом генерал-лейтенант Кирпонос был снят со своей должности, понижен в звании до генерал-майора и направлен командовать дивизией на Дальний Восток в результате состоявшейся в ноябре 1940 года внезапной проверки боеготовности вверенного ему округа.

Вот что написал по итогам этой проверки член комиссии от Генерального штаба генерал-майор Рокоссовский:

Безупречно смелый, решительный и незаурядный человек, он еще не созрел для такого поста. Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность в условиях постоянно меняющейся боевой обстановки…

Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать. В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным…

Если учесть, что от ЦК ВКП(б) проверкой руководил верный сталинский нарком Лев Мехлис, то Хрущев находился в полной уверенности, что Кирпоноса просто «ушли», и этим самым переводом на Дальний Восток он еще легко отделался. Все могло кончиться гораздо хуже.

Что же касается Жукова, который остался командовать Киевским округом, то у него, конечно, были свои мелкие слабости, но при этом ни манипулировать им, ни «договориться», было совершенно нереально. Солдафон и фанатик, ни на шаг не отходящий от инструкций, из начальства он признает только товарища Сталина – как наркома обороны, и маршала Шапошникова – как начальника Генерального штаба. Так что каши с ним не сваришь. Любые провокационные разговоры Жуков прерывал на корню, а на попытки вмешательства в свою армейскую епархию реагировал рапортами на имя наркома обороны. Попробовав раз и получив в ответ грозный окрик от самого Хозяина, Хрущев решил с Жуковым больше пока не связываться, оставив разборки со строптивым генералом до будущих времен.

Нет, Никита Сергеевич не был участником генеральского заговора, вроде Павлова, Клименко, Мерецкова, Тимошенко, Смушкевича, Рычагова, Птухина и многих других, калибром помельче. Куда уж ему со своим свиным рылом да в калашный ряд. Да и дело это уж больно грязное и зловонное – один раз измажешься, потом не отмоешься. Но при всем при этом он, так сказать, старался держать руку на пульсе, дабы извлечь практическую пользу, как и из успеха заговора, так и из его провала. Уж такое у него было жизненное кредо – карабкаться вверх по трупам.

В свете всего вышеизложенного, товарища Хрущева взяли большие сомнения – а стоит ли вообще ехать в Москву. Может быть, сказавшись больным, немного потянуть время, для того чтобы понять – откуда дует ветер. А то во время их последней встречи товарищ Сталин так глянул на Никиту Сергеевича, будто перед ним был не живой человек, а восставший из могилы неупокоенный мертвец. В конце концов, не будут же его арестовывать прямо здесь, в Киеве, что против всех правил. Нет, решил он, со Сталиным этот номер не пройдет. Почуяв бунт, тот в момент пришлет «доктора», а может, даже и не одного.

Успокоив жену Нину и младшего сына Сергея, Хрущев на негнущихся ногах подошел к телефону и, позвонив в гараж ЦК КП(б) Украины, распорядился подать ему машину для поездки на аэродром Борисполь. Машина подъехала так быстро, будто ждала его прямо тут за углом, а не выезжала из гаража по

вызову. За четверть часа до полуночи Хрущев оказался на аэродроме. Приготовленный к полету самолет был ему хорошо знаком, вот уже полгода эти одномоторные грузопассажирские бипланы, рассчитанные на перевозку двенадцати пассажиров или полутора тонн груза, делали прямо тут в Киеве на 473-м авиазаводе.

Эта машина, несмотря на камуфляжную темно-зеленую окраску, была оборудована как роскошный салон-вагон с мягкими креслами, баром и даже туалетом. Последнее было совсем не лишним, ибо полет до Москвы длился четыре с лишним часа. Поскольку других пассажиров, кроме Никиты Сергеевича, не ожидалось, самолет вылетел сразу же, как только тот занял свое место в кресле. Единственный ВИП-пассажир еще не знал, что когда он приземлится на Центральном аэродроме, весь мир уже необратимо изменится, и ему, Хрущеву Никите Сергеевичу, члену ВКП(б) с 1918 года, места в этом мире уже не будет.

22 июня 1941 года, 00:15. Западный Особый военный округ, северная окраина города Брест, поселок Тюхиничи, перекресток объездной дороги и Каменецкого шоссе. Полевой КП 6-й стрелковой дивизии.

Командир 6-й стрелковой дивизии генерал-майор Николай Григорьевич Золотухин вздохнул и посмотрел на часы. Четверть первого ночи. Поднятая по тревоге по сигналу «Гроза» дивизия, после переобмундирования в полевую камуфляжную форму образца сорок первого года, с наступлением темноты покинула полевые лагеря и выдвинулась к рубежу государственной границы. Ее задача – к трем часам утра занять оборону по рубежу Брестского укрепрайона. 333-й стрелковый полк занимал оборону южнее реки Мухавец, имея соседом слева 75-ю стрелковую дивизию. 125-й стрелковый полк готовился оборонять сам Брест, севернее города к границе выходил 84-й стрелковый полк, имея соседом справа 42-ю стрелковую дивизию.

Брестский укрепрайон, как считал генерал-майор Золотухин, был так себе. Несмотря на лихорадочную работу строительных и саперных подразделений, построено в нем было не более четверти всех оборонительных сооружений, а вооружено и приведено к боеготовности только около десяти процентов. Кроме того, Николай Григорьевич не догадывался, что от вновь построенных дотов и капониров толку будет мало. Свою первичную прочность свежезалитый бетон набирает за двадцать восемь суток, а для того чтобы она стала максимальной, нужны даже не годы, а десятилетия. Автору этих строк

приходилось в жизни долбить и свежий бетон возрастом один-три года, и старый, которому было больше тридцати лет. Разница как между мягким известняком и несокрушимым гранитом.

Но если это действительно война, то держать оборону нужно в любом случае. Поэтому с весны этого года вдоль линии Брестского УРа по приказу наркома обороны товарища Сталина был создан рубеж полевой обороны, состоящий из трех рядов траншей полного профиля, наподобие тех, что были в прошлую войну, усиленных пулеметными гнездами. А на танкоопасных направлениях – еще и позициями для противотанковых пушек образца тридцать восьмого года 53-К, калибром в сорок пять миллиметров.

Подумав о них, генерал-майор хмыкнул. С учетом противотанковых взводов в стрелковых батальонах, противотанковых батарей в полках и отдельного истребительного противотанкового дивизиона в составе дивизии, в его распоряжении находилось сорок восемь таких противотанковых пушек. Вроде бы кажется немало, но вскрыв «красный пакет», генерал-майор узнал, что в полосе обороны его дивизии противник сосредоточил основные силы своей 2-й танковой группы – а это около восьмисот танков, половина из которых должна была действовать севернее, а вторая половина – южнее города Бреста.

С учетом всего этого сорок восемь противотанковых орудий – смехотворно мало. Положение не изменится, даже если выставить на прямую наводку все двадцать имеющихся в его распоряжении дивизионных пушек УСВ калибром в семьдесят шесть миллиметров, тем более что и бронебойных снарядов к ним кот наплакал.

Еще в дивизии имелись тридцать две 122-мм гаубицы образца 1910/30 года и двенадцать шестидюймовых гаубиц образца 1915 года, все на конной тяге, полностью непригодные в качестве противотанковых орудий ввиду своей малой подвижности и однобрусной конструкции лафета. Но воевать все одно было надо.

Правда, час назад, на совещании в штабе 28-го стрелкового корпуса, которому с недавних пор была подчинена 6-я стрелковая дивизия, командующий корпусом генерал-майор Попов сообщил, что его позиции в районе Бреста будут усилены подходящими из глубины двумя мотострелковыми бригадами особого назначения. Также в полосе ответственности его дивизии будут действовать части корпусного усиления: одна отдельная самоходная истребительная противотанковая бригада, два корпусных пушечных артполка, а также три

самоходных артиллерийских бригады особого назначения, в том числе и одна артбригада особой мощности.

– Значит, так, Николай Григорьевич, – сказал ему Попов, – в самом Бресте и севернее через ваши позиции по правому берегу Буга не должен прорваться ни один немец, ни живой, ни мертвый. Поэтому приданные вашей дивизии части усиления должны быть дислоцированы именно там. По поводу южного фланга таких строгостей нет, и, оказав противнику упорное сопротивление, ваши части могут отступить и занять оборону в черте города. Но не ранее, чем будет полностью исчерпана возможность к сопротивлению на линии госграницы.

На вопрос Золотухина, почему именно так, генерал-майор Попов только пожал плечами, ответив, что таков замысел вышестоящего командования, которому необходимо заставить немцев наступать своими танками на Кобрин в полностью простреливаемой нашей артиллерией узкой полосе открытой местности, зажатой между рекой Мухавец и находящейся южнее болотисто-лесистой местностью. В отдельных местах ширина этой полосы меньше четырех километров, а по северному берегу Мухавца уже занимают оборону дивизии соседнего 47-го стрелкового корпуса. И ежели немцы, прорвавшись на правом фланге, сумеют выйти им в тыл, положение всей армии станет катастрофическим. Поэтому на правом фланге необходимо держаться, держаться и еще раз держаться.

На вопрос о составе мотострелковых бригад особого назначения командующий корпусом не смог ничего ответить. Еще вчера этих бригад как бы вовсе не существовало в природе, а сегодня они уже здесь, и, как сообщили из штаба армии, после полуночи они должны выйти на свои исходные позиции в районе Бреста.

Ожидавший приданные части генерал-майор Золотухин представлял себе мотострелковую бригаду как обычную пехоту, посаженную на полуторки, как это обычно водилось в РККА. Но действительность превзошла самые смелые ожидания.

Сперва из-за поворота объездной дороги со стороны Кобрина показались десять колесных бронеавтомобилей размером с БА-6, но только со средним расположением башни. Урча моторами, они шли в полной темноте, не зажигая фар. Головная машина свернула на обочину и притормозила возле группы командиров. С ее брони спрыгнули две темных фигуры в таком же, как у них,

полевом камуфляже нового образца.

– Командир 4-й отдельной мотострелковой бригады подполковник Иванов Сергей Николаевич, – козырнув, представился один из них.

– Начальник особого отдела бригады капитан госбезопасности Сергуненко Иван Петрович, – сказал второй.

– Командир 6-й стрелковой дивизии, генерал майор Золотухин Николай Григорьевич, – ответил Золотухин, при свете электрического фонарика вчитываясь в командирские удостоверения. Вроде было все верно и стоящие перед ним люди были теми, кого он и ждал.

Тем временем бронеавтомобили проехали мимо них. Вслед за бронеавтомобилями показались несколько больших гусеничных машин, отдаленно напоминающих самодвижущиеся гробы. А дальше, за поворотом дороги, был слышен скрежет гусениц и тяжелый гул множества дизельных моторов, словно там двигался не менее чем механизированный корпус, а не какая-то мотострелковая бригада.

– Значит, так, товарищ генерал-майор, – сказал подполковник Иванов, доставая из планшета свернутую вчетверо карту, – моя бригада должна усилить оборону вашего 84-го стрелкового полка. В первом эшелоне движется разведывательная рота и отделения разведки и управления артиллерийских дивизионов и батарей. За первым эшелоном пойдут шесть мотострелковых батальонов, далее три самоходных артдивизиона, два противотанковых дивизиона, танковая рота, и уж затем бригадные тылы вместе со штабом. Время занятия рубежа обороны три часа ноль минут по Москве, или час «Ч» минус один.

– Товарищ подполковник, – с некоторым скепсисом спросил Золотухин, – а вы точно уверены, что немцы начнут ровно в четыре утра?

– Именно в четыре, товарищ генерал-майор, – ответил подполковник Иванов. – Если Гитлер уже отдал им приказ, то куда им деваться? Орднунг, понимаете ли. Так что непременно начнут завтра, то есть уже сегодня, ровно в четыре утра.

– Товарищ генерал-майор, – сказал молчавший до того момента капитан ГБ Сергуненко, – учебных сигналов «Гроза» не может быть по определению. Если

товарищ Сталин дал добро, то значит, все уже известно, и относиться ко всему этому требуется с максимальной серьезностью.

В этот момент машины-гробы кончились, а из-за поворота показалась голова следующей колонны, состоящей, как показалось генерал-майору Золотухину, из легких танков, только каких-то приплюснутых.

– А где же ваша пехота, товарищ подполковник? – спросил он у Иванова.

– Так вот же она, товарищ генерал-майор, – ответил тот, – каждая боевая машина пехоты – это одно мотострелковое отделение. Тридцать таких машин в каждом батальоне, а всего сто восемьдесят в бригаде. Одним словом, завтра у немцев будет день сюрпризов. Не хочу сказать, что они будут для них приятными.

– Пока что, товарищ подполковник, – усмехнулся Золотухин, – день сюрпризов именно у меня. Вы можете наконец внятно сообщить мне, какая техника и в каком количестве имеется в составе вашей бригады – для того, чтобы мой штаб смог нормально спланировать предстоящие боевые действия! А то, понимаешь, развели тут секретность.

В ответ на эту тираду генерала капитан ГБ пожал плечами и, перекрикивая рев моторов проходящих мимо БМП, сказал:

– Уже можно, товарищ подполковник, – после чего Иванов достал из планшета лист бумаги и передал его Золотухину.

– Пятая мотострелковая бригада подполковника Диденко, предназначенная непосредственно для обороны Бреста, – сказал он, – укомплектована техникой и личным составом по точно такому же штатному расписанию.

Адъютант подсветил генералу фонариком, и по мере чтения брови у того непроизвольно поползли вверх. Такой бригады просто не могло быть, потому что не могло быть никогда. Одних только самоходных орудий калибра сто двадцать два миллиметра в ее составе было пятьдесят четыре единицы, не говоря уже и о многом другом, просто немыслимом для стрелковых частей, вроде противотанковых орудий калибром в сто миллиметров и тяжелых танков со стадвадцатимиллиметровыми пушками, которые представлялись ему чем-то

вроде КВ-2.

– Хорошо, товарищ подполковник, – кивнул Золотухин, сворачивая бумагу и жестом давая команду адъютанту выключить фонарик. – Только, будьте добры, объясните мне, что это такое – реактивная система залпового огня «Град», и с чем ее едят?

– Вы авиационные эрэсы видели, товарищ генерал-майор? – вместо Золотухина ответил Сергуненко. – Так вот, это то же самое, только калибром сто двадцать два миллиметра, по сорок штук на одной машине и с дальностью стрельбы в двадцать километров. Завтра утром, как только подаст голос немецкая артиллерия, вы и увидите их в деле. Осталось совсем немного.

«Да, – подумал генерал-майор Золотухин, пряча бумагу в планшет, – осталось совсем немного, каких-то три с половиной часа. Подкрепили меня, конечно, солидно, ничего не скажешь. Понятно, почему эти бригады до самого последнего момента держали в секрете. Интересно, самоходные артиллерийские бригады особого назначения такие же чудные, или там будет нечто более привычное? Надо еще раз связаться со штабом корпуса и уточнить, может, там уже известны какие-нибудь подробности. Потому что потом на это уже просто не будет времени.

22 июня 1941 года, 00:45. Западная Белоруссия, Белосток

Почти сразу после полуночи на аэродромах в Инстербурге в Восточной Пруссии, Сувалок, Варшавы и Жешува в Генерал-губернаторстве началось некое нездоровое шевеление. А потом с них по направлению к советской границе по одному и группами потянулись тихо тарахтящие трехмоторные военно-транспортные самолеты люфтваффе Ю-52/3, ласково называемые пилотами «тетушка Ю».

Согласно разработанному германским верховным командованием плану, в игру вступал разведывательно-диверсионный полк специального назначения «Бранденбург 800», в документах скромно именуемый учебно-строительной частью. Все участники забрасываемых на территорию СССР диверсионных групп прекрасно владели русским языком, были экипированы в форму военнослужащих РККА и бойцов НКВД, вооружены оружием советских образцов и имели при себе качественно сделанные фальшивые документы.

Помимо «бранденбуржцев» немецким командованием для дестабилизации советских тылов на направлении действия группы армий «Юг» был задействован батальон «Нахтигаль», сформированный из числа украинских националистов ОУН УПА во главе с Романом Шухевичем. В нашем прошлом на их совести помимо службы Адольфу Гитлеру были еврейские погромы и истребление польской интеллигенции во Львове, Бабий Яр, резня поляков на Волыни, Хатынь и прочие «подвиги» по истреблению безоружного гражданского населения. Зато сталкиваясь с регулярными частями Красной Армии, украинские националисты каждый раз были жестоко биты, и, по мнению немецкого командования, их части по боевым качествам уступали даже румынам и итальянцам.

Для противодействия диверсантам Лаврентием Берией, Павлом Судоплатовым и специалистами из будущего был заранее разработан план «Вулкан» по недопущению и пресечению. И «бранденбуржцев» и ОУНовцев следовало принять и, что называется, отоварить, не дожидаясь развертывания ими активной деятельности в тылах советских войск. Кстати, проведенное после получения сигнала «Гроза» переобмундирование частей первого стратегического эшелона и сотрудников НКВД в камуфляжную форму «образца 1941 года» тоже была частью этого плана. Теперь немецкие агенты в своей новенькой, с иголочки, форме образца 1938 года будут заметны, как медведи в обезьяннике. Ну, это не говоря уже о нержавеющих скрепках в удостоверениях, советских сапогах с немецкими подошвами и прочих тонкостях, с недавних пор известных каждому сотруднику органов госбезопасности.

Но самым главным пунктом в плане «Вулкан» шло создание системы контроля воздушного пространства, чтобы незамеченной не пролетела и муха, а также объединенных с потомками групп быстрого реагирования.

Одиннадцать мобильных радиолокационных станций на базе радаров метрового диапазона П-18 и радиовысотомеров ПРВ-13, поставленных со складов хранения из будущего, были включены в систему погранвойск НКВД и расположены в Мурманске, Кеми, Петрозаводске, Ленинграде, Таллине, Лиепае, Белостоке, Львове, Бельцах, Одессе и Севастополе, одновременно составляя первый эшелон радарного обеспечения ПВО СССР. Еще четыре таких станции, составляющие второй эшелон, были расположены в Смоленске, Киеве, Днепропетровске и Москве. Введенные в эксплуатацию в марте-апреле 1941 года, эти станции позволили полностью перекрыть воздушное пространство СССР на западном направлении, отслеживая в том числе как полеты высотных разведчиков из

эскадры Ровеля, так и состоявшийся 15 мая 1941 года несанкционированный перелет пассажирского «юнкерса» «Люфтганзы» от границы до самой Москвы, из-за которого в прошлой истории со своих постов было снято все руководство ПВО СССР.

– Пусть летит, Лаврентий, – сказал тогда Сталин, получив донесение о пересечении границы германским самолетом, – немцы должны думать, что мы не способны остановить на границе даже гражданский самолет. Это же хорошо, когда враг считает тебя слабым и глупым, а себя сильным и умным.

Но отслеживание тайных ночных полетов люфтваффе над советской территорией – это только половина дела. Вторая половина заключалась в том, что эти самолеты должны быть сбиты, а перевозимые ими диверсанты захвачены или уничтожены. Как раз для этого и было создано несколько десятков групп быстрого реагирования, состоящих из пары ударных «крокодилов» Ми-24 с ночным БРЭО, одного транспортно-штурмового Ми-8 и взвода осназа НКВД, состоящего из бойцов и командиров, прошедших в будущем курсы повышения квалификации и соответственным образом экипированных и вооруженных. Отдельно были созданы посаженные на бронетранспортеры взводные тактические группы для действий в городских условиях. Их задача – устранение недоделок воздушного осназа и окончательная ликвидация законспирированного местного бандподполья.

Наибольшее количество таких групп было сосредоточено в полосе Западного Особого военного округа, где ожидались основные события. Чуть меньше их было в Прибалтике и на Украине, и совсем немного в Одесском Особом военном округе и в Крыму. Если раньше немецкие разведывательно-диверсионные группы предпочитали брать после высадки, то с наступлением темноты 21 июня план «Вулкан» вступил в свою силу, и контрдиверсионная машина НКВД заработала на полных оборотах.

Для аэромобильной взводной осназгруппы старшего лейтенанта ГБ Ивана Матюшина это уже был третий боевой вылет за ночь. Два десятка отборных бойцов. Все они закончили семилетку, спортсмены, комсомольцы или кандидаты в члены ВКП(б). Все с отличием закончили «курсы повышения квалификации», освоив такие вещи, о которых полгода назад они еще даже и не могли предположить. Все политически грамотны и морально устойчивы, и все приняли факт существования «забарьерной» РФ как данность, к которой надо относиться философски, веря в гений товарища Сталина, поскольку реставрация

капитализма у потомков не есть политика взводного масштаба.

Задача у них, в принципе, была проста как мычание. По наводке с земли пилоты «крокодилов» находят медленно ползущий над советской территорией Ю-52/3. Затем следует очередь из четырехствольного крупнокалиберного пулемета по кабине и моторам, после чего «юнкерс» или падает, или, если ему повезло, совершает вынужденную посадку. А дальше – это уже работа бойцов старшего лейтенанта Матюшина. Им надо спуститься с зависшего вертолета на тросах, после чего взять в плен выживших, или убедиться, что вся диверсионная группа полностью уничтожена при падении самолета.

Первый раз так все и вышло. От скрестившихся на моторах и кабине немецкого транспортника очередей бронебойно-зажигательных пуль из двух пулеметов ЯКБ-12,7 «юнкерс» вспыхнул как зажигалка и бесформенным комом рухнул с двухкилометровой высоты в белорусский лес. Из него никто не выпрыгнул, и выживших на месте катастрофы обнаружено не было.

Спустившись по тросу и немного попинав дымящиеся гофрированные обломки транспортника, среди которых виднелись полуобгоревшие трупы в красноармейской форме, старший лейтенант выматерился со всей пролетарской ненавистью и попросил пилотов «крокодилов» в следующий раз быть немного поаккуратнее, для того чтобы его группа смогла захватить хотя бы одного «языка» из этого самого «бранденбурга».

Это «поаккуратнее» чуть было не довело группу до беды. Когда пулеметная очередь прошила левое крыло с мотором, который тут же задымил, а потом загорелся, следующий «юнкерс» немедленно начал «метать икру» – производить выброску диверсантов не в назначенном районе, а куда попало, пока машина еще держится в воздухе и высота позволяет совершить прыжок с парашютом.

Нет, этих мерзавцев потом все равно поймают, никуда они не денутся, а вот старший лейтенант Матюшин за такие недоработки вполне может получить в личное дело предупреждение от своего начальства. И это только на первый раз. Если он продолжит косячить и дальше, то за предупреждением должны были последовать выговор и рассмотрение дела в трибунале.

Выручили Матюшина пилоты вертолетов. Один тут же добил летающую каракатицу, чтобы немцам жизнь медом не казалась, а второй, совершив крутой

разворот, вернулся и успел расстрелять в воздухе тех трех парашютистов, что смогли выпрыгнуть с парашютом, причем последнего добили уже над самыми верхушками деревьев. Все было сделано с гарантией. Пуля калибра 12,7 мм при попадании в любую часть тела убивает наповал, и работа тут будет скорее для патологоанатома, чем для следователя. Их потом так и нашли, мягко говоря, в несколько фрагментированном виде.

Третий «юнкерс», в отличие от первых двух, полз низко-низко, почти над самыми верхушками деревьев. Очевидно, командование транспортной авиагруппы в Сувалках, обеспокоенное бесследным исчезновением нескольких машин, изменило полетные инструкции. Вот тут-то и можно было проявить некоторый гуманизм, ибо прыгать с парашютом с такой высоты – это форма самоубийства, причем не самая гуманная.

Опять сноп пламени из четырехствольного пулемета, очередь по левому мотору, и горящий «юнкерс» завилял, выискивая в лесу поляну для вынужденной посадки. Попытка стрелка огрызнуться из пулемета винтовочного калибра по зависшим за его хвостом странным теням была пресечена сразу и самым жестоким образом.

Как только немецкий самолет сразу не рухнул в ночной лес – знает один боженька. Но его пилотам удалось-таки дотянуть до русла небольшой речки и плюхнуться в ее болотистую пойму. Попытка уцелевших немецких диверсантов, отстреливаясь, разбежаться в разные стороны была пресечена высадившимся тут же взводом старшего лейтенанта Матюшина, как раз тренированного и экипированного именно для подобного рода боевых действий.

Диверсанты, вооруженные пулеметами ДП и автоматами ППД, совершенно не плясали против осназа с его бронежилетами, приборами ночного видения и «калашами», «печенегами» и гранатометами «Муха». В результате из всей немецкой группы в плен попал лишь ее командир, чистокровный немец обер-лейтенант Фогель, а также двое рядовых, один из которых был сыном окопавшегося в Германии белоэмигранта, а второй – горячим литовским парнем. Все остальные или были убиты еще в воздухе, или же оказались уничтожены при оказании ими сопротивления. Когда «крокодил» прочесывает НАРами кусты, в которых засел пулеметный расчет, туда потом можно смело направлять труповозку.

Больше у группы Матюшина вылетов в эту ночь не было. Видимо, немецкое командование, озадаченное большими потерями транспортных самолетов и подготовленных агентов, взяло паузу и приостановило операцию. Хотя на план «Барбаросса» в общем это никак повлиять не могло. Военная машина Третьего рейха была уже запущена и набирала обороты.

22 июня 1941 года, 01:20. Западная Белоруссия, Брест

Майор ГРУ Илья Григорьевич Старинов

Как человек весьма осведомленный во всем происходящем, я был готов ко всему и ничему не удивлялся. А то как же иначе – ведь в работе совместного с НКВД разведывательного центра в Барановичах я принимал участие считай с самого начала его существования. Диверсионная и контрдиверсионная деятельность – есть две стороны одной медали. Меня назначили руководителем группы минного заграждения и разведывательно-диверсионного противодействия. Моим заместителем, помощником и в какой-то мере наставником стал мой коллега из будущего полковник Омелин Вячеслав Сергеевич. Вот так и получилось, что майор командует полковником. Но сделать наоборот, как сказал сам товарищ Омелин, было бы неправильно с политической точки зрения.

У контрразведчиков картина была совершенно иной. Если у нас была возможность заблаговременно подготовиться к грядущим событиям, то их война началась с организацией нашего Центра. Старшим группы контрразведки назначили майора госбезопасности из будущего Филимонова Сергея Николаевича, заместителем которого был назначен старший майор госбезопасности Михеев Анатолий Николаевич. Работа у них была ювелирная – ведь помимо борьбы с националистическим бандподпольем и агентами иностранных разведок им требовалось, никого не вспугнув, проверить высшие командные кадры нашей армии и отделить агнцев от козлищ, а дураков – от предателей и заговорщиков.

Кроме этих двух основных отделов, в нашем Центре была группа глубинной разведки, которой руководил старший майор Павел Судоплатов, и связанная с ним глубоко засекреченная подгруппа радиоразведки, где на своем фантастическом оборудовании работали исключительно специалисты из будущего. По большей части именно они выясняли – где, кто, что, когда, почем

и сколько отвесить в граммах.

Режим секретности в нашем Центре был жесточайший, о деятельности наших смежников мы знали только в общих чертах, как и они о нашей, да и то лишь потому, что без этого было просто невозможно наладить взаимодействие. Доступ на территорию Центра был ограничен. Был даже случай, когда охрана не пропустила командующего округом генерала Павлова, потому что того не было в списках допущенных, подписанных наркомом обороны товарищем Сталиным и наркомом внутренних дел товарищем Берией. Немного побушевав, генерал укатил, пообещав вернуться, но так и не выполнил своего обещания. Наверное, в Москве ему объяснили, как глубоко он не прав.

Пытался попасть к нам и всесильный нарком госконтроля Мехлис, человек подозрительный и злопамятный. С ним обошлись помягче, полковник Омелин, согласно инструкции на случай несанкционированного сверху визита членов ЦК, тут же позвонил по своему ручному аппарату «товарищу Иванову» и передал трубку Мехлису, после чего тот нас быстренько покинул и даже не обещал вернуться.

Потом полковник Омелин сказал мне, что это, скорее всего, интригует «жопа с ушами». Но все эти интриги совершенно не нашего ума дело, на то есть товарищ Сталин, или в крайнем случае товарищ Берия. А мы с ним должны работать, пока еще есть время.

Первоначально в нашей группе был всего десяток сотрудников, перенимавших опыт разведывательно-диверсионных операций из будущего, проводя рекогносцировку будущих районов наступления германских ударных группировок. Потом, к началу декабря сорокового года, с так называемых «курсов повышения квалификации» к нам начали прибывать средний и младший комсостав, впоследствии составившие основной костяк нашей группы. Самыми последними, уже весной этого года, к нам в подчинение прибыли четыре отдельных саперных батальона, после чего наша деятельность перешла из теоретической в практическую плоскость.

Работали мы и с просоветски настроенными товарищами из Польши, готовя из их числа разведывательно-диверсионные группы, которые должны были начать действовать с момента нападения фашистской Германии на СССР. Ситуация на сопредельной территории была сложной. Большая часть подполья, подчинявшаяся эмигрантскому правительству Польши в Лондоне, имела не

только антинемецкую, но и антисоветскую ориентацию. Так что нашим польским товарищам фактически предстояло воевать на два фронта.

Между делом полковник Омелин рассказал мне и о том, что в тот раз эти «птенцы Пилсудского» додумались до того, что в ходе войны за счет взаимного истребления СССР и Германии они смогут не только восстановить для Польши границу 1921 года, но и отколоть от СССР Украину, Белоруссию и Прибалтику, сделав их марионеточными государствами, находящимися под польским влиянием. А вот шиш вам, панове! Пойдете против нас – вдавим в землю так, что только сок брызнет. И не говорите потом «А нас-то за шо?».

Основной деятельностью нашей группы, помимо подготовки разведывательно-диверсионных групп, было скрытное устройство минно-взрывных заграждений на основных направлениях будущего немецкого наступления. Сказать честно, я совсем не ожидал, что узнаю такое количество различных образцов противопехотных и противотанковых мин, обычных и огневых фугасов, химических, нажимных, натяжных, электрических и радиовзрывателей. Сказать честно, первые дни, когда мы начали знакомиться с техникой из будущего, я чувствовал себя как ребенок, попавший вдруг в магазин игрушек – просто глаза разбегались. Причем некоторые образцы были настолько простыми, что я сам удивлялся – как мы не додумались раньше до такого способа минирования?

Например, направленная противопехотная осколочная матрица, или мина, состоящая из обрезка водопроводной трубы, патрона, хоть от берданки и гвоздя-бойка. Все это прикапывается в траве на направлении движения вражеской пехоты, после чего солдат противника, наступивший на такую закладку, как минимум получает раздробление ступни, что сделает его негодным к военной службе. Кроме того, такое ранение помимо пострадавшего выведет из боя еще двух солдат, которые должны будут доставить его на перевязочный пункт.

Для противотанкового минирования дорог нами дополнительно сформировано шесть так называемых дорожно-ремонтных батальонов, которые днем делали вид, что занимаются своими прямыми обязанностями, а ночью закладывали на предполагаемых маршрутах движения немецких танков мощные противоднищевые фугасы направленного взрыва. В учебных целях мы подорвали один такой фугас под списанным из-за полного износа матчасти танком Т-28, после чего я убедился, что немецкая техника, наехавшая на наши «подарки», тут же превратится в груду обломков, годных только в металлолом.

Также в ночное время нашими саперами были заминированы мосты через Буг и Неман с явной (для немецких саперов) и скрытой схемами подрыва. Никто и не сомневался, что в час «Ч» немцы будут пытаться разминировать заминированные нами мосты, и что в некотором роде им это даже удастся. А потом их будет ждать большой и неприятный сюрприз. Но тут уж, как говорится, кто не спрятался – я не виноват.

Отдельной задачей было подводное минирование мест, подходящих для переправы немецких танков, изготовленных противником для высадки на берегах Англии и способных двигаться под водой. Причем производилось это минирование скрытым способом буквально под самым носом у противника.

А сейчас нам предстояло сделать немцам еще одну пакость. Дело в том, что по торговому договору между Германией и СССР наша страна поставляла немцам нефть по железной дороге, причем четыре последних эшелона были задержаны и стояли у нас на станции в Барановичах. Когда стало ясно, что война неизбежна, каждая цистерна этих эшелонов была превращена в огневой фугас огромной силы, который должен был взорваться при остановке состава на одной из узловых немецких станций. Помимо утопленных в нефти подрывных зарядов с радиовзрывателем, мы всыпали в каждую цистерну по пятидесятикилограммовому мешку какой-то дряни из будущего, которая должна была за несколько часов превратить жидкий продукт в некое подобие липкого желе, что увеличивало радиус поражения огневого фугаса и исключало бесцельное сгорание большей части распыленной нефти в воздухе в момент взрыва, что обычно является главным недостатком зарядов такого типа.

Вот эти «подарки» мы и пропихнули фашистам в последние часы перед войной, хотя, как выяснилось, они тоже, не собираясь оставаться в долгу, решили «отдариться» несколькими эшелонами с углем, в некоторых вагонах которых имелись тайники для перевозки диверсантов, одетых в советскую военную форму. Правда, наши контрразведчики оказались на высоте, и, как говорится, фокус не удался. Все засланные к нам таким образом диверсионные группы были обезврежены прямо на станции в Бресте, и ни одна не проскочила дальше. До первого выстрела на границе оставалось уже меньше трех часов, хотя фактически на нашем уровне война уже началась.

22 июня 1941 года, 02:35. РСФСР, Смоленск, аэродром Северный

Полковник Александр Евгеньевич Голованов

Аэродром «Северный» в Смоленске, расположенный в трех километрах от городского железнодорожного вокзала, существовал еще с начала двадцатых годов. Сначала на нем базировались полотняные «фарманы», «ньюпоры» и «фоккеры», потом их сменили тяжелые ТБ-1 и ТБ-3, которым в свою очередь пришли на смену дальние ДБ-3Ф. Но в конце сентября 1940 года судьба аэродрома вдруг снова круто изменилась. 212-й дальний бомбардировочный полк в полном составе был переведен на аэродром под Оршей, а на «Смоленск-Северный» пришли строители и техника.

Аэродром попал в список из пяти объектов аэродромного хозяйства ВВС РККА: Москва, Мурманск, Ленинград, Смоленск, Воронеж, – на которых вне всякой очереди сооружались бетонированные взлетно-посадочные полосы первого класса. Проектная документация на аэродромы была извлечена из архивов будущего, так что планировка на местности и земляные работы начались немедленно. Стройка велась стахановскими темпами, к чему были все возможности – вместо пары сотен полос второго класса до начала войны предполагалось построить пять первоклассных аэродромов, способных принимать практически все типы самолетов из будущего.

Для укладки бетона в зимнее время в Российской Федерации было приобретено несколько десятков крупногабаритных надувных ангаров, накрывающих место проведения работ для поддержания там нужного микроклимата. По мере удлинения полосы, ангары последовательно сдвигались, заменяемые раскатанным поверх бетона защитным термоодеялом-пенкой. Для снабжения таких строек нужным количеством бетона в РФ были закуплены мобильные бетонные заводы, а для снабжения всем необходимым от железнодорожной станции по временной схеме был проложен одноколейный путь. Когда пришла весна и с полей сошел снег, термоодеяло убрали, и на схватившийся бетон вышли специальные машины, производящие антифлотационную насечку покрытия. Осталось лишь нанести разметку, и полоса была готова к эксплуатации.

Параллельно со строительством полосы были возведены и прочие объекты аэродромной инфраструктуры, нужные для нормального функционирования базирующейся на нем авиационной воинской части. И уже к концу апреля 1941 года 212-й ДБАП, прошедший за эти полгода перевооружение новой техникой

и получивший приставку к своему прежнему наименованию «тяжелый», вернулся на родной базовый аэродром.

Теперь в его состав входили две эскадрильи по двенадцать машин ТБ-7Д, оснащенных двигателями и авионикой из будущего, и две эскадрильи закупленных в будущем тяжелых бомбардировщиков ТУ-95МС, которые было сочтено нерациональным модернизировать в носители крылатых ракет Х-101/102. Командовал полком известный советский летчик, бывший шеф-пилот Аэрофлота, полковник Александр Евгеньевич Голованов. Эскадрильями в полку командовали такие асы тяжелой авиации, как Водопьянов, Мазурук, Алексеев, Молоков. К полку прикомандировали отдельную тяжелую военно-транспортную эскадрилью – шесть тяжелых транспортников Ан-22.

Кроме 212-го ТДБАПа с середины июня на аэродроме «Смоленск-Северный» базировались приданные Экспедиционному корпусу авиационные части ВКС РФ: шесть самолетов ДРЛО А-50, шесть самолетов-заправщиков Ил-78, эскадрилья бомбардировщиков Ту-22М3, две эскадрильи бомбардировщиков Су-24М и эскадрилья истребителей МиГ-29.

Еще одна истребительная эскадрилья из будущего базировалась на аэродроме под Ленинградом и обеспечивала прикрытие от воздушных налетов Кронштадта и колыбели социалистической революции Ленинграда, в котором помимо трети всей советской промышленности располагался транспортный межвременной переход, питаемый энергией Сосновоборской АЭС. Такие же переходы, вместе с прикрывающими их эскадрильями, находились в Мурманске, Москве, тут в Смоленске, и в Воронеже.

Но время, которое называлось «до войны», уже почти вышло. Несмотря на глубокую ночь, аэродром был оживлен. Ярко светили все прожектора, разъезжали заправщики, разливая в баки небесных гигантов тонны авиационного керосина. В воздухе стоял острый запах, присущий аэродромам реактивной авиации. Экипажи двух самолетов ДРЛО А-50, чей вылет должен был состояться еще до первого выстрела этой войны, уже закончили завтрак и совершали обязательный предполетный осмотр своих воздушных кораблей.

Пройдет еще немного времени, и за час до начала боевых действий эти машины оторвутся от полосы аэродрома и уйдут на свои позиции в Белостокском и Львовском выступах, чтобы оттуда дирижировать воздушным и наземным сражением первых часов войны. Потом, с учетом одной дозаправки в воздухе,

примерно в полдень, на позициях их должна сменить вторая пара самолетов ДРЛО. Ближе к вечеру в небо поднимется третья пара. Таким образом, дежурством в три смены должен быть обеспечен круглосуточный радиолокационный дозор в поле действия всех трех немецких групп армий: «Север», «Центр» и «Юг».

Бомбардировщики, в том числе и 212-го полка, должны выйти «на тропу войны» уже после начала боевых действий, когда главный балабол Третьего рейха Йозеф Геббельс зачитает по радио «речь Гитлера», а доблестный вермахт уже несколько часов подряд будет биться головой о приграничные укрепления. Вот тогда у Су-24М, Ту-22М3 и Ту-95 настанет настоящая «большая охота».

Полковник Голованов наблюдал, как в бомболюки Ту-95 грузят, возможно, самое страшное неядерное оружие всех времен и народов, которое потомки скромно назовут «авиационной вакуумной бомбой повышенной мощности» или «папой всех бомб». Пройдет еще три часа, и он оторвет свою машину от бетонки Смоленского аэродрома, чтобы ровно в восемь утра обрушить свой смертоносный груз на здание рейхсканцелярии.

У других экипажей на первый вылет тоже были свои персональные «клиенты», вроде Рейхстага, комплекса зданий ОКВ в Цоссене, министерств пропаганды и авиации, штаб-квартир гестапо, СД и абвера. На некоторые объекты будут сброшены по две, а кое-где и по три бомбы. Нет, лично Гитлер дату 22 июня, скорее всего, переживет, но нацистские бонзы и административная прослойка, которая нужна для того, чтобы доводить его указания до исполнителей, должна быть уничтожена полностью и с гарантией. Курица с отрубленной головой живет недолго, но зато бурно и интересно.

Потом к цели подойдут Ту-22М3 и от души накроют «ковром», состоящим из фугасных и зажигательных бомб, железнодорожные станции Берлинского транспортного узла, мосты, угольные склады, топливохранилища и газовые заводы. С первых же часов войны берлинцы должны будут понять – во что их втравил фюрер.

Полковник Голованов еще раз решил обойти свой Ту-95, до сих пор, несмотря на полугодовое знакомство, внушающий ему почти детский трепет. Голованов усмехнулся. Так, по его мнению, и должна выглядеть идеальная многомоторная боевая машина. В этом самолете мощности столько же, сколько в эскадрилье еще не модернизированных самолетов ТБ-7, а бомбовая нагрузка такая же, как

у половины эскадрильи, причем бомбы могут быть массой до девяти тонн. Да и летает эта машина ровно в два раза быстрее, чем ТБ-7.

Нет, конечно, реактивные монстры вроде Ту-22М3 или Ту-160 гораздо быстрее и выглядят более угрожающе. Но все-таки реактивная авиация лежала вне его эпохи. Он мог бесконечно восхищаться этими машинами, но никогда бы не рискнул поднять их в небо и испытать на прелесть сверхзвукового полета. Поколение пилотов реактивной авиации надо отбирать прямо с училищ и воспитывать, что называется, с нуля. Ту-95 на их фоне выглядел привычным и родным, и опытные летчики с большим налетом на тяжелых кораблях, вроде самого Голованова, Мазурука, Молокова, Пуэссэпа, Водопьянова или Алексеева, осваивали его без особых проблем.

Что касается эскадрилий, укомплектованных самолетами ТБ-7Д, то применяться они должны были исключительно в ночное время для налетов на промышленную инфраструктуру Третьего рейха: мосты, плотины и электростанции… Но это будет вечером и ночью, а до этого времени самолеты из будущего сумеют сделать по два-три вылета: сперва по глубоким тылам противника, а потом, возможно, если понадобится, и для непосредственной поддержки войск. Кроме того, в массированных ночных налетах на железнодорожные узлы, расположенные на территории оккупированной Польши, должны были принять участие около семисот самолетов ДБ-3: 35-й, 40-й, 42-й, 48-й, 51-й, 52-й авиационных дивизий дальнего действия.

Когда пилотов бомбардировщиков первой волны пригласили на завтрак, экипажи самолетов ДРЛО поднялись в кабины и запустили двигатели своих машин. Над смоленскими полями и лесами, березками, сосенками и прочими кустами разнесся гул турбореактивных двигателей ПС-90А. До часа «Ч», прошу прощения за каламбур, оставалось чуть больше часа, а на востоке уже разгоралась тоненькая полоска утренней зари.

Часть 1. Час «Ч»

22 июня 1941 года, 03:25. Белорусская ССР, Белосток, оперативно-командный центр ПВО западного направления

На востоке занимался серый рассвет, а на планету накатывался день 22 июня 1941 года. В Москве и других крупных городах СССР выпускники школ догуливали выпускные вечера. Звучали признания в любви и строились планы на взрослую жизнь. Они еще ничего не знали. До того момента, когда западная граница СССР полыхнет огнем самой жестокой и кровопролитной в XX веке войной, оставалось еще больше получаса. Но собравшиеся у тактических планшетов офицеры ВС РФ и командиры РККА знали, что эта война уже мчится на них, вместе с ревом моторов сотен немецких бомбардировщиков, одновременно поднявшихся в воздух с десятка аэродромов в Восточной Пруссии и Генерал-губернаторстве – бывшей Польше.

Но навстречу им со Смоленского аэродрома уже уходят в светлеющее небо остроносые МиГ-29, а на прикрывающих стратегические объекты комплексах «Куб» расчеты уже сворачивают маскировочные сети с боевых машин, и операторы уже включили радары и прогревают аппаратуру наведения. Царит предбоевая суета и на полевых аэродромах Воздушной армии осназ генерала Захарова. Машины заправлены, пушки заряжены, пилоты, получив допинг от полковых врачей и накачку от замполитов, сидят в кабинах в ожидании зеленой ракеты. Их цель – основная волна немецких бомбардировщиков, которая подойдет к государственной границе чуть позже. И тогда в огненном небе начавшейся войны они делом докажут, что стоят вложенных в них усилий и многомиллионных средств, и что восьмимесячные изнурительные тренировки на иновременных полигонах были совсем не зря. Свою задачу – показать люфтваффе, что небо войны для немецких асов стало чужим и враждебным, они выполнят на все сто процентов.

На всем протяжении государственной границы готовятся подняться в небо и истребители линейных смешанных авиадивизий. Например, в Киевском Особом военном округе, а с полуночи – Юго-Западном фронте, генерал-лейтенант Кравченко лично поведет в бой своих подчиненных. Его и назначали на эту должность с тем расчетом, чтобы он в час «Ч» поднял в воздух все, что может летать, и со всей пролетарской ненавистью нанес встречный удар по бомбардировщикам 4-го воздушного флота люфтваффе. Умения, решительности и отваги у этого человека хватит на десятерых. ВВС округа кратно превосходили противостоящий им 4-й воздушный флот рейха, и при некотором умении, везении и решительности, даже без помощи потомков, бои в небе над Украиной должны стать жаркими и кровавыми.

То же самое готовилось и в Прибалтике. Там тоже были готовы подняться в небо и ударить по врагу советские истребители, тем более что театр боевых действий был ограничен, а силы, выделенные противником на этом направлении, не были значительными. Основной удар в любом случае наносился немцами в полосе действия группы армий «Центр».

Ах, эти первые утренние минуты, когда солнце еще не поднялось над горизонтом, а небо уже посветлело, когда только начинают петь птицы, возвещая о приходе нового дня, воскресенья 22 июня 1941 года! В тот момент, когда на приграничных аэродромах взревели на взлетном режиме моторы и пригнулась к земле седая от утренней росы трава, немецкие бомбардировщики уже встретили свою смерть в утреннем советском небе. Если бы на их месте были их потомки из конца XX века, то они бы давно уже бились в истерике, ибо системы предупреждения об облучении радарами вопили бы на все голоса о том, что самолеты находятся на прицеле РЛС советской системы ПВО. Но эти герои люфтваффе до самого последнего момента находились в блаженном неведении о том, что смерть уже замахнулась своей косой, стоя за их плечами.

Первым в дело вступил дивизион комплекса «Куб», дислоцированный в районе Барановичей и прикрывающий дальние подступы к Минску. Ракеты 3М9М1, оставляя за собой дымный белый хвост, с грохотом ушли с направляющих ровно в три часа тридцать девять минут утра. Когда почти шестиметровые, шестисоткилограммовые махины разогнались до скорости в полтора маха, части сопловых аппаратов были отстрелены, и запустились маршевые воздушно-реактивные двигатели. Ракеты продолжили разгон до крейсерской скорости в две целых восемь десятых скорости звука.

За несколько секунд до трех часов сорока минут траектории зенитных ракет и бомбардировщиков пересеклись. В утреннем небе вспухли дымные клубы взрывов. Готовые поражающие элементы боевых частей ракет разрывали хрупкие дюралевые птицы на куски.

Эфир взорвался воплями ужаса и проклятий, а снизу к группе немецких бомбардировщиков уже подходили новые зенитные ракеты, расчеркивающие утреннее небо белыми инверсионными следами, которые смешивались с жирными черными хвостами падающих со звенящих высот германских бомбардировщиков. Далеко внизу отдельные счастливцы раскрыли купола своих парашютов, а находящиеся в готовности к такому исходу спецгруппы НКВД

приготовились собирать «одуванчики». Это будут первые немецкие пленные этой войны, испуганные и растерянные и ничего не понимающие.

Один дивизион комплекса «Куб», состоящий из четырех самоходных пусковых установок и одной самоходной установки разведки и наведения, имеет на направляющих двенадцать ракет, вероятность поражения тихоходных, не имеющих средств противодействия самолетов сороковых годов равна ста процентам.

Истребители и пикирующие бомбардировщики люфтваффе оставались пока на земле, готовые чуть позже начать действовать по заявкам своих сухопутных войск. Впереди было первое приграничное сражение в воздухе, после которого советские ВВС должны завоевать полное и неоспоримое господство в воздухе, а люфтваффе вместо активных наступательных действий и поддержки своих штурмующих границу войск, перейти к обороне, пытаясь в отчаянных попытках защитить и спасти то, что еще осталось от ее былой мощи.

22 июня 1941 года, 03:45. Белорусская ССР, полевой аэродром Воздушной армии осназ под Кобриным

Триста бомбардировщиков основной ударной волны 2-го воздушного флота люфтваффе еще только подходили к советской границе в полосе Западного Особого военного округа, а над аэродромами, на которых базировались истребительные полки Воздушной армии осназ, уже взметнулись в утреннее небо зеленые ракеты. Взревели на взлетном режиме новенькие моторы, в бешеном режиме замолотили воздух винты, пригнулась к земле трава. Началось! А высоко в небе над Белостоком коршуном нарезал круги самолет ДРЛО А-50, готовый дирижировать воздушным побоищем, которое вот-вот разразится почти на всем протяжении западной советской границы.

С восемнадцати аэродромов Воздушной армии осназ, разбросанных по всей приграничной полосе, на взлет разом пошли почти шестьсот разукрашенных тактическим камуфляжем новейших истребителей И-182 и триста МиГ-3М. Помимо двух пушек, калибром 23-мм у И-182 и 20-мм у МиГ-3, каждый истребитель нес под крыльями по четыре сверхлегких ракеты воздух-воздух типа «Игла-В». Судьба первого этапа войны должна была решиться именно здесь, в небе Белоруссии, и именно сюда были брошены лучшие силы советских ВВС, заблаговременно подготовленные для отражения германского воздушного

вторжения.

Примерно в это же время с приграничных аэродромов на германской стороне для нанесения точечных ударов по советским войскам в приграничной полосе начали подниматься в воздух двести восемьдесят пикирующих бомбардировщиков Ю-87 и сто шестьдесят двухмоторных истребителей-штурмовиков Ме-110С. Таким образом, количество немецких ударных самолетов, готовых вторгнуться в советское воздушное пространство, достигало семисот сорока единиц.

Одновременно была дана команда «на взлет!» четырем с половиной сотням И-16 разных серий и пятисот сорока «чайкам», И-15 и И-15-бис истребительных авиаполков ЗапОВО, которые должны были действовать в нижнем эшелоне будущего воздушного сражения. Сто двадцать пять истребителей МиГ-3 первых выпусков с пулеметным вооружением пока оставались в резерве.

Поднялись в воздух и истребительные полки Прибалтийского и Киевского Особых военных округов. Да, там не было воздушной армии осназ с ее элитно подготовленными пилотами и модернизированными в будущем самолетами, но и силы люфтваффе, действующие на этих вспомогательных с точки зрения плана «Барбаросса» направлениях, тоже были куда как скромнее.

В Прибалтике против двухсот семидесяти германских бомбардировщиков из состава 1-го воздушного флота в воздух поднялись почти восемьсот советских истребителей, больше половины которых составляли машины, выпущенные за девять последних месяцев.

В Киевском ОВО картина была аналогичной. Триста пятьдесят германских бомбардировщиков из состава 4-го воздушного флота люфтваффе против поднявшихся в воздух почти тысячи семисот истребителей РККА, из которых шестьсот пятьдесят единиц составляли новейшие И-182, МиГ-3 и Як-1.

Внезапного удара по мирно спящим базовым аэродромам со стоящими на них разоруженными самолетами у люфтваффе не получалось. Вся советская истребительная авиация приграничных военных округов поднималась в воздух, жужжа моторами, подобно рою разъяренных ос. Две этих волны, одна с крестами и свастиками, другая с красными звездами на крыльях, должны были схлестнуться, выясняя, «чья возьмет», в титаническом приграничном воздушном

сражении, перед которым должна была померкнуть даже знаменитая «битва за Британию».

Генерал Захаров лично возглавил ударную формацию из двух истребительных дивизий осназ, действующую на Брестском направлении. Подняв свой И-182 на высоту пяти километров, он перешел в горизонтальный полет и, немного прибрав обороты мотора, привычно покрутил головой, осматривая воздушное пространство. Повсюду, справа, слева, сзади, чуть ниже и чуть выше, в четком строю застыли И-182 четырех истребительных полков 1-го воздушного корпуса. Почти двести новейших истребителей сразу – это внушительное зрелище. Еще два полка «высотных чистильщиков» МиГ-3М занимали свой любимый эшелон в семь тысяч метров и были заметны только по легким инверсионным следам, которые оставляли работающие на форсаже моторы.

Ожило радио, канал связи с постами ВНОС, радарами ПВО и кружащимся на высоте двенадцати километров самолетом ДРЛО.

– Молния-один, – скороговоркой произнес авианаводчик, – я Орел-два, противник прямо перед вами, от ста пятидесяти до двухсот единиц, судя по перехвату переговоров, 3-я и 53-я бомбардировочные эскадры люфтваффе в полном составе, удаление десять, высота три тысячи. Сигнал на открытие огня зеленый.

Захаров усмехнулся. Связь из будущего, называемая там цифровой, как всегда была выше всяких похвал. Хотя после того как их специалисты поработали над советской радиоаппаратурой, в линейных частях качество связи тоже весьма заметно улучшилось, и пилоты теперь слышали в наушниках не только свист и шипение. Но все же «цифра» в этом смысле была вне конкуренции, хотя бы потому, что противник не мог прослушать переговоры между самолетами его армии.

– Орел-два, – произнес Захаров, – я Молния-один. Вас понял, атакую! Конец связи.

– Молния-один, – ответило радио, – я Орел-два, конец связи. Желаю удачи, Георгий Нефедович.

Еще раз усмехнувшись, генерал начал внимательно вглядываться в пространство перед собой. Жабинка осталась позади, под крыльями

проплывали леса с ниточкой Варшавского шоссе, где-то под левым крылом вилась голубая змейка реки Мухавец, а впереди раскинулся город Брест, пока еще тихий и мирный, без вспышек выстрелов и дыма пожарищ. А чуть выше и в стороне от города – генерал Захаров внимательно прищурился – была видная россыпь черных точек, похожая на стаю больших жирных мух. Только эти «мухи» целенаправленно летели вглубь советской территории, ориентируясь все по той же ниточке Варшавского шоссе и линии железной дороги. В эпоху «до навигаторов» чаще всего было именно так, штурманы прокладывали курс, привязывая его к наземным ориентирам. И как раз в этот момент на востоке за спинами советских летчиков из-за горизонта выполз большой красный диск восходящего солнца, залив все вокруг ярким светом своих лучей и слепя глаза немецких пилотов, штурманов и стрелков.

Генерал Захаров переключил рацию на свой командный канал и левой рукой плотнее прижал ларингофоны к горлу.

– Я Молния-один, – выкрикнул он. – Атака! Атака! Атака!

Внезапный удар с высоты по ничего не подозревающему противнику – это самый страшный и одновременно самый результативный вид воздушного боя. Одно за другим звенья И-182, переходя в пологое пикирование, обрушивались на строй немецких бомбардировщиков. Полки МиГ-3 пока остались на высоте – страховать своих товарищей на случай подхода немецких истребителей, которые могли появиться очень быстро, так как их аэродромы располагались почти у самой границы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/harnikov_aleksandr/operaciya-groza-plyus-samyy-trudnyy-den

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити